AMORE
ЖЕНА АВИАТОРА
МЕЛАНИ БЕНДЖАМИН
«Замечательный роман о любви длиною в жизнь».
ROMANCE REVIEWS TODAY
«Автор уносит читателя за кулисы истории и посвящает в тайны женщины, чья жизнь полна триумфов и падений».
PUBLISHERS WEEKLY
«Это роман о счастье и боли, любви и предательстве. История, которая никого не оставит равнодушным!»
BOOKLIST

Мелани Бенджамин

Жена авиатора

Серия «Amore. Зарубежные романы о любви»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11950761
Мелани Бенджамин. Жена авиатора: Издательство «Э»; Москва; 2015
ISBN 978-5-699-83820-2
Оригинал: MelanieBenjamin, “The Aviator's Wife”
Перевод:
Е. М. Нарышкина

Аннотация

Большую часть жизни Энн Морроу, жена известного летчика Чарльза Линдберга, провела в тени славы мужа. Она посвятила ему себя, была его вторым пилотом, женой и другом. Их брак был насыщен головокружительными взлетами и разрушительными падениями. Но могла ли Энн подумать, что ее любящий муж, ее опора, отец ее детей, все эти годы вел двойную жизнь?!

Содержание

Глава первая 6
Глава вторая 22
Глава третья 29
Глава четвертая 51
Конец ознакомительного фрагмента. 54

Мелани Бенджамин
Жена авиатора

Посвящается Алеку

Но слепо зренье – Видеть надо сердцем[1].

© Нарышкина Е., перевод на русский язык, 2015
© ООО «Издательство «Э», 2015

* * *

1974

Он улетает.

Хочу ли я запомнить его таким? Когда я смотрю, как он лежит, разбитый, побежденный той силой, которую даже ему не одолеть, то понимаю, что придется тщательно отбирать свои воспоминания. Их слишком много. Пожелтевшие газетные страницы, невероятное количество медалей и трофеев, личные письма от президентов, королей, диктаторов. Книги, фильмы, спектакли о нем и его достижениях, школы и институты, гордо носящие его имя.

Трогательные фотографии ребенка с белокурыми кудрями, голубыми глазами и глубокой ямочкой на подбородке. Помятые копии писем Чарльза к другим женщинам, спрятанные в моем портмоне.

Я ерзаю в кресле, стараясь не потревожить его; мне нужно, чтобы он выспался, восстановился перед серьезным разговором: мне слишком много нужно сказать ему и у нас слишком мало времени. Всем нутром чувствую его уход и ничего не могу с этим поделать, но также не в состоянии больше наблюдать за тем, как он уходит от меня, оставляя в одиночестве, растерянности и недоумении. Мои руки сжаты, зубы так стиснуты, что болит челюсть, я наклоняюсь вперед, как будто могу силой воли заставить самолет лететь быстрее.

Стюардесса заглядывает за штору, отделяющую нас от остальных пассажиров.

– Вам что-нибудь нужно?

Я отрицательно качаю головой, и она уходит, бросив встревоженный и одновременно благоговейный взгляд на худую, изможденную фигуру моего мужа. Он хрипло дышит, его веки дергаются, как будто он все еще борется, все еще чего-то ожидает, даже в своем наркотическом сне. И, зная его, я не сомневаюсь, что так оно и есть.

Неотвеченные вопросы – их по-прежнему так много, что мне не упорядочить их, не выстроить в какой-то определенной последовательности. Я даже не могу выбрать, с какого вопроса начать. Столь многие требуют ответов. Он вообще-то любил меня когда-нибудь?

А я? Всегда ли я любила его? Однажды, много лет назад, я от него ушла. Это было очень давно, однако я прекрасно помню цвет чемоданчика, который взяла, туфли, в которых я перешагнула порог нашего дома. Когда я вернулась обратно, на мне была та же пара. Приходило ли ему когда-нибудь в голову, что он почти потерял меня в тот момент? Не поэтому ли он предал всех нас?

Мне хочется встряхнуть его, разбудить, заставить рассказать об этом, но я не могу решиться, пока еще не могу. Поэтому я заставляю себя сосредоточиться только на одном

[1] В Евангелии: «Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят» (Матфей 5:8).

вопросе – на него не может ответить никто, кроме меня. Остальные оставлю на потом. Задам его после того, как мы приземлимся и дети скажут все, что им нужно.

Тогда, когда мы останемся наедине.

Сделав глоток тепловатой воды, я бросаю взгляд в окно и размышляю в который раз, как сохранить в памяти того единственного, который никогда не был обыкновенным мужчиной, и меньше всего – для меня. Теперь мы летим над облаками, пересекая континент на запад.

Полет.

Летчик навсегда захвачен в плен фотографиями и кинохроникой. Вот он весело машет из кабины самолета, худой и загорелый, в своей слишком просторной форме. Соломенные волосы коротко пострижены, мальчишеская челка треплется на лбу. Или вот стоит, небрежно опершись на свой самолет – тот самый, о котором он всегда говорил с таким почтением, что я понимала: машина – это неотъемлемая часть его сущности. Как оказалось, мне никогда не занять такое же важное место. Знаменитый одномоторный моноплан «Дух Сент-Луиса».

Даже теперь я думаю о полете как о спасении – несешься вместе с птицами по воздушным потокам, а вокруг небо, как огромный тихий храм. И хотя я знаю, что это не так – в ушах до сих пор звучит рев тех ранних двигателей, – но все равно представляю, как летчик пересекает океан в полной тишине. Совсем юный. Рука сжимает штурвал, и он один со своими мыслями, в первый и единственный раз в своей жизни свободен от чужих ожиданий. Свободен от бремени легенды, которое ляжет на него всего лишь через двадцать часов на допотопном летном поле в пригороде Парижа.

И, если я, в конце концов, выберу именно это воспоминание о нем, увижу ли я его лицо? Или снова буду сидеть позади него, как сидела столько раз, что в воспоминаниях остался только затылок с красивыми белокуро-рыжими волосами и шея, напряженно вытянутая вперед? Узнаю ли я его плечи, широкие и напряженные, под мешковатой форменной летной курткой?

Но тогда это будет не он; это будем мы. И я тоже вместе с ним буду лететь на плечах истории в маленькой открытой кабине «Духа Сент-Луиса».

Нет. Я резко задергиваю штору, чтобы больше не видеть облаков. Нет. Он должен один парить над океаном в тот первый раз, как написано в исторических книжках; он должен быть молодым, иметь мальчишеский вид, и будущее, непрожитое, незапятнанное, должно быть его единственным пассажиром.

Несмотря на всю пережитую боль, горечь, предательство – его и мое, – я молюсь богу из моего детства, чтобы запомнить летчика именно таким. Напряженная, но полная надежд фигура, столь красиво вылепленная, как будто является частью силуэта самолета. Он проносится через океан с помощью пары сэндвичей, термоса кофе, железной силы воли и невероятной самонадеянности. Его синие глаза блестят, как солнце над океаном, который плещется за окном кабины так близко, что кажется, будто летчик может дотронуться до него. У летчика все впереди. И я – тоже.

Только он этого еще не знает. Он летит к нам, столь наивный, что пока еще в состоянии взять в плен и разбить мое сердце.

Глава первая

Спустившийся с облаков на землю.

Я твердила про себя эти слова, шептала в восхищении. Спустившийся с облаков на землю. Приземлившийся. Приземленный. Какое тяжелое сравнение, если подумать – я невольно представляю грязные поля с колеями от телег и земляными червями, – хотя люди всегда расценивают этот эпитет как комплимент.

– «Приземленный» – слышишь, Элизабет? Можешь поверить, что папа сказал это про летчика?

– Сомневаюсь, что он понимал, что говорит, – пробормотала сестра, сосредоточенно водя ручкой по листку бумаги и не обращая внимания на раскачивающийся вагон мчащегося поезда. – Энн, дорогая, если бы ты дала мне закончить это письмо…

– Конечно, это не про него, – настаивала я, не желая замечать пренебрежения сестры. За сегодняшний день она писала уже третье письмо! – Папа никогда не понимает, что говорит, за это я его и люблю. Но, честно, в его письме было написано именно так: «Я очень надеюсь, что ты встретишь полковника Линдберга. Он такой приземленный!»

– Ну, папа довольно сильно увлечен полковником…

– Да, я знаю. – Я совсем не собиралась его критиковать! Просто думала вслух. Никогда не стала бы обсуждать это с ним.

Внезапно мое настроение изменилось, как бывало всегда, когда я находилась с кем-нибудь из своих родственников. Отдельно от них я могла быть самоуверенной, почти беззаботной, имеющей собственное мнение. Однажды кто-то даже назвал меня жизнерадостной (хотя, если быть честной, это был первокурсник в колледже, принявший изрядную дозу скверного джина).

Когда бы ни собиралось вместе наше семейство, мне требовалось какое-то время, чтобы расслабиться и приспособиться к ритму их речи и добродушному подшучиванию друг над другом, в котором они охотно упражнялись. Думаю, острое словцо всегда имелось у каждого наготове, даже когда мы жили так далеко друг от друга. Я представляла, как каждый, хоть и погруженный в свою ежедневную жизнь, мысленно посылает мне его, словно мурлычет мотив давней семейной симфонии.

К слову сказать, ген музыкальности обошел меня стороной, как и многие другие фамильные черты – например, знаменитое чувство юмора Морроу. Так что мне всегда требовалось больше времени, чтобы вспомнить свою партию в этих домашних песнях и плясках. Вот уже неделю мы вместе с братом и сестрой ехали в Мексику на поезде, а я все еще чувствовала себя скованно и боролась с застенчивостью. Особенно рядом с Дуайтом, ведь он перешел на последний курс Гротонского колледжа. У брата появилась ранее несвойственная ему бледность и предрасположенность к странным приступам какого-то детского смеха, хотя физически он быстро взрослел и превращался в точную копию нашего отца.

Элизабет была такой же, как всегда, и рядом с ней я чувствовала себя прежней: в ее солнечном присутствии я была понижена в должности и больше не была самоуверенной выпускницей колледжа. В затхлом воздухе вагона я казалась себе такой же несвежей и помятой, как и несчастное льняное платье, которое носила. А она оставалась спокойной и хладнокровной, как манекен. Ни единой складочки, ни единого пятнышка не было на ее элегантном шелковом костюме, несмотря на рыжую пыль, влетавшую в вагон сквозь щели в окнах.

– Я тебя умоляю, не надо все усложнять, Энн, ради бога! Конечно, ты не станешь критиковать папу в лицо – только не ты!

Элизабет с росчерком подписала письмо, аккуратно сложила его и спрятала в карман.

– Адрес напишу позже. Только подумай, как отлично оно будет выглядеть на бланке посольства!

– Кому ты пишешь на этот раз? Конни?

Элизабет молча кивнула; она писала Конни Чилтон, своей бывшей соседке по комнате из Смита[2], так часто, что этот вопрос едва ли стоило задавать. Я чуть было не спросила, нужна ли ей марка, но вовремя вспомнила, что мы теперь важные персоны. Наш отец был назначен послом в Мексике. Мы, Морроу, отныне не нуждались в таких обыденных предметах, как марки. Все наши письма посылались специальной правительственной диппочтой вместе с меморандумами и докладными записками отца.

Ходили слухи, что полковник Линдберг сам повезет на самолете диппочту обратно в Вашингтон, когда полетит назад. По крайней мере на это намекал папа в своем последнем письме, полученном мной как раз перед тем, как мы с Элизабет и Дуайтом сели на поезд в Нью-Йорке. Теперь мы находились в Мексике – ночью пересекли границу. Я с восхищением смотрела на незнакомый пейзаж, пока поезд, пыхтя, двигался в южном направлении. Унылые, странно освещенные равнины Среднего Запада, мрачная пустыня Техаса, одинокие глинобитные домики с крышами из листового железа под бесцветным, бесконечным небом. Мексика по контрасту показалась мне гораздо более зеленой, чем я предполагала, особенно когда дорога стала подниматься вверх к Мехико-Сити.

– Ты написала Конни, что мы видели Глорию Свенсон с мистером Кеннеди? – Мы мельком видели их обоих, кинозвезду и банкира, когда те садились на поезд в Техасе. Они опустили головы и подняли воротники. Джозеф Кеннеди был женат, имел выводок католических малышей и красавицу жену по имени Роза. Что касается мисс Свенсон, то, судя по журналу о жизни звезд, который я иногда брала посмотреть у своей соседки по комнате, она была замужем за французским маркизом.

– Нет, папе бы это не понравилось. Теперь, когда он стал послом, мы должны быть более осторожны.

– Ты права. Какая же она маленькая в жизни! Гораздо меньше, чем в кино. Практически такого же роста, как и я!

– Я слышала такое про киноартистов, – Элизабет задумчиво кивнула, – говорят, что Дуглас Фербенкс ненамного выше Мэри Пикфорд.

Проводник-мексиканец постучал в дверь нашего купе, потом засунул в него голову.

– Прибываем на станцию, мисс, – сказал он, обращаясь к Элизабет, которая снисходительно улыбнулась и кивнула, после чего он ретировался.

– Не могу дождаться, когда увижу Кон, – сказала я, чувствуя, как внутри что-то сжимается от радостного предвкушения, – и маму, конечно. Но больше Кон! – Я скучала по своей маленькой сестре, скучала и одновременно завидовала ей. В свои четырнадцать она могла совершить переезд в Мексику вместе с нашими родителями и жить веселой жизнью дипломатической миссии, которую я лишь мельком увижу на каникулах, – моих первых каникулах с тех пор, как папа получил это назначение.

Взяв свой дорожный чемодан, я вслед за Элизабет вышла из нашего частного вагона в коридор, где к нам присоединился Дуайт, нервно теребивший галстук.

– Посмотри, правильно ли завязано, Энн? – Брат нахмурился и стал так похож на папу, что я чуть не рассмеялась. Тот тоже никогда не мог освоить науку завязывания галстуков. И брюки у него всегда были слишком длинными и собирались складками, как кожа на коленях у слона.

– Да, конечно. – И я хорошенько дернула брата за галстук.

---

[2] Смит – частный независимый женский гуманитарный колледж.

Внезапно поезд остановился; мы были на платформе, в толпе возбужденных пассажиров, в обволакивающем южном тепле, которое мягко согревало мое тело, все еще не отошедшее от нортхэмптонской зимы, которую я привезла буквально на своих плечах – забыла положить в чемодан зимнее пальто.

– Энн! Элизабет! Дуайт! – послышался смех, щебетанье, и к нам подбежала Кон.

Ее маленькое круглое личико загорело под южным солнцем, волосы стягивала яркая красная ленточка. На ней было мексиканское платье с яркой вышивкой и пышная юбка, на маленьких ножках – гуарачи.

– Вы только посмотрите! – смеясь, я обняла ее. – Просто картинка! Настоящая сеньорита!

– Родные мои!

Оглянувшись, я оказалась в объятиях мамы, но потом была мгновенно оставлена, потому что она переключилась на Элизабет. Мама выглядела, как всегда, безупречно – чопорная светская дама из Новой Англии, волею судьбы заброшенная в гущу тропиков. Папа, в вечно болтающихся брюках и съехавшем на сторону галстуке, тряс руку Дуайта и одновременно целовал в щеку Элизабет.

В конце концов он повернулся ко мне; слегка откинувшись назад, осмотрел меня с ног до головы и серьезно кивнул, хотя его глаза весело блестели.

– А вот и Энн. Преданная и надежная Энн. Ты никогда не изменишься, дочь моя.

Я покраснела, не совсем уверенная, комплимент ли это. Потом бросилась в его распахнутые объятия и поцеловала колючую щеку.

– Счастливого Рождества, господин посол!

– Да, да – это будет счастливое Рождество! А теперь – поспеши, и ты, может быть, застанешь полковника Линдберга, если он еще не уехал.

– Он здесь? – спросила я, когда мама рассаживала всех в первой из двух специально ожидавших нас машин, черных и сияющих. Наш багаж уже был аккуратно сложен на платформе, предварительно снабженный инициалами и являвший наглядный пример нашего благополучия. Мне бросилось в глаза, что почти все вокруг носят соломенные сундуки и ставят их на повозки, запряженные осликами.

– Да, полковник Линдберг все еще здесь – о, моя дорогая, ты бы видела, сколько людей толпилось на летном поле, когда он прилетел! Он опоздал на два часа, но никто не ушел. Этот самолет, как же он называется? А, «Призрак Сент-Луиса», кажется. Правда, он…

Кон начала хихикать, я тоже невольно улыбнулась.

– Он называется «Дух Сент-Луиса», – поправила я маму и заметила удивление в ее печальных миндалевидных глазах. Мгновенно вспыхнула, поняв, о чем она думает: «Неужели моя Энни тоже потеряла голову от молодого красавца героя, как все остальные девушки? Кто бы мог подумать?»

– Да, конечно, «Дух Сент-Луиса». Полковник согласился провести свой отпуск у нас в посольстве. Твой отец просто сбился с ног. Мистер Генри Форд даже послал самолет за матерью полковника. За обедом Элизабет по закону гостеприимства будет ухаживать за полковником – и тебе, дорогая, тоже придется помочь. Честно говоря, я обнаружила, что он очень стеснителен.

– Просто до смешного, – снова хихикнув, согласилась Кон, – мне кажется, что ему раньше вообще не приходилось разговаривать с девушками!

– Кон, прошу тебя. Полковник все-таки наш гость. Мы должны сделать так, чтобы он чувствовал себя как дома, – усталым тоном проговорила мама.

Я в смятении слушала ее, провожая до второй машины. Отдельные восклицания папы, Дуайта и Элизабет доносились из первого авто. Значит, полковник – совершенно незнакомый нам человек – будет присутствовать на нашем семейном ужине в Рождество? Конечно, я

не рассчитывала на это и не могла не чувствовать, как бесцеремонно со стороны незнакомца втираться в дом подобным образом. Однако даже при простом упоминании его имени мое сердце начинало биться быстрее, а в голове проносились тайные мысли об этом неожиданном случае, который весь остальной мир наверняка назовет невероятным счастьем! Как же начнут визжать девушки в колледже, когда узнают об этом! Как станут завидовать мне!

Пока я приводила в порядок свои мысли, мы мчались в посольство на такой бешеной скорости, что у меня не было времени насладиться незнакомым экзотическим пейзажем Мехико-Сити. Единственное оставшееся впечатление – неясные пятна разноцветных огней в сгущающихся сумерках и побеленные дома в буйных зарослях цветущих растений. Декабрь, а здесь все в цвету! Как замечательно!

– Неужели полковник действительно так застенчив?

Необыкновенный молодой человек подвержен такому же обыкновенному недостатку, как и я. Неужели так бывает?

– Представь себе. Говори с ним об авиации – это единственный способ услышать от него больше, чем «да», «нет» и «передайте соль, пожалуйста», – сказала мама и похлопала меня по колену. – А теперь расскажи, как твой последний семестр? Ты рада, что прислушалась к голосу рассудка и не стала поступать в Вассар?[3]Теперь ты уже почти выпускница Смита, как я и Элизабет!

Слегка улыбнувшись, я опустила взгляд на носки своих туфель, пыльных после дороги, и кивнула, хотя мой рот был плотно сжат – единственный признак былого бунта. Прошло почти четыре года, а я все еще мечтала, чтобы мне разрешили поступить в Вассар, такой отчаянно желанный.

Проглотив свою досаду, я добросовестно стала перечислять события и свои маленькие академические победы, в то время как мы мчались вперед, перегнав два роскошных посольских авто. Полковник Линдберг. Я не рассчитывала встретить его так скоро, да и вообще не мечтала познакомиться. Думала, что его приезд – официальная остановка на маршруте по Латинской Америке и что он уедет гораздо раньше, чем начнутся мои каникулы. Мои ладони стали влажными, и я пожалела, что не переоделась в поезде во что-нибудь более нарядное. Никогда раньше мне не доводилось видеть настоящего героя, и я боялась, что один из нас будет разочарован.

– Не могу дождаться того момента, когда смогу познакомить Элизабет с полковником, – призналась мама, как будто прочитав мои мысли, – и тебя тоже, дорогая.

Я кивнула, прекрасно поняв, что она имела в виду. Моя старшая сестра была красавицей – настоящей красавицей. Фарфоровое личико, белокурые локоны, круглые голубые глаза с густыми черными ресницами и прелестный носик. В то время как я вся ушла в нос, помимо которого имелись миндалевидные, как у мамы, глаза и темные волосы. Я была ниже Элизабет и имела более округлую фигуру. Слишком округлую, со слишком развитыми формами в сравнении с тем стройным летящим силуэтом, который был в моде зимой 1927 года.

– Уверена, что не смогу придумать, о чем с ним говорить. Вообще не знаю, о чем говорить в подобной ситуации. Господи, что за наказание все это! – Махнув рукой в сторону красной плюшевой обивки, шофера в ливрее и двух флагов – Соединенных Штатов и Мексики, развевающихся на капоте машины, – я позволила себе приступ раздражительности (что было для меня довольно нетипично) и встретила неодобрительный взгляд мамы не моргнув глазом. Странное Рождество! По давней традиции Рождество – это дом, это безопасность, это слет всей семьи в гнездо, о чем я мечтала весь год, хотя сознавала, что мое представление о празднике вряд ли совпадет с реальностью. Я уже скучала по своей уютной комнате в Инглвуде, по удобной широкой кровати, покрытой легким белым шениловым покрывалом,

[3] Женский колледж, один из лучших в Америке, основан в 1861 году.

сшитым бабушкой, когда она была еще невестой, по полкам, уставленным любимыми детскими книжками – Энн из Грин Гейблз, просто сказки, Ким. С маниакальным упорством я говорила себе, что никогда не смогу привыкнуть к новой дипломатической жизни отца и его желанию приглашать модных молодых авиаторов. Мне отец гораздо больше нравился в качестве солидного и уважаемого банкира.

– Энн, пожалуйста. Не заставляй папу выслушивать твои стенания. Он просто в восторге от этого молодого человека и хочет помочь ему по мере сил. Ведь у полковника Линдберга из родных осталась только мать. Поэтому мы просто обязаны пригласить его в наш маленький семейный круг.

Я кивнула, подавленная, не в силах объяснить ей свои чувства. Никогда мне не удавалось ничего объяснить матери. Вот Элизабет она понимала. Воспитание Дуайта поручила отцу. Кон была еще слишком мала. Ко мне же относилась так, будто я вовсе не ее дочь. Застенчивая, странная. Только в письмах мы с мамой находили некую зыбкую почву для общения. А встречаясь лицом к лицу, не знали, о чем говорить.

Впрочем, что такое долг, я знала прекрасно. Если писать историю нашей семьи, ее можно было бы подытожить одним этим словом. Долг. Долг перед теми, кто менее счастлив, менее успешен, менее образован, и вообще – менее. Хотя почти всегда я думала, что в этом мире не может быть никого менее важного, чем я.

– И не стоит так огорчаться, Энн, – продолжала мама почти сочувственно. Она дотронулась до моей руки, – полковник – обычный человек, несмотря на то что говорит твой папа и твердят газеты.

– Довольно симпатичный обычный человек, – проговорила Кон с мечтательным вздохом, и я невольно рассмеялась.

С каких это пор моей маленькой сестренке стали нравиться молодые люди? Но я ведь тоже в ее возрасте мечтала о героях. Да и сейчас такое иногда случалось.

Наши автомобили замедлили ход и въехали в ворота. Мы остановились перед огромным безвкусным дворцом, в котором находилось посольство. «Наше посольство», – подумала я, подавляя невольное желание глупо рассмеяться. Вслед за мамой и Кон я вышла из машины и застыла, увидев, как папа торжественно поднимается по парадной каменной лестнице, покрытой красной ковровой дорожкой. Шеренга одетых в военную форму офицеров стояла по обе стороны лестницы, приветствуя нас.

– Ты можешь во все это поверить? – прошептала я Элизабет, для устойчивости уцепившись за ее руку. Та отрицательно затрясла головой, в ее глазах светилось восхищение, лицо побледнело. Ряд ступеней казался бесконечным, а Элизабет не была физически крепкой девушкой. Но она сделала глубокий вдох и начала подниматься по лестнице. У меня не было другого выбора, пришлось последовать за ней.

Я не могла заставить себя взглянуть на офицеров в форме или на лестничную площадку, где нас ждал он. Вместо этого я уткнулась взглядом в ковер в надежде, что удастся подняться по лестнице без падений. И конечно, через несколько шагов споткнулась. Наконец мы поднялись и оказались на тенистой площадке. Мама подтолкнула Элизабет вперед, воскликнув:

– Полковник Линдберг, я рада представить вам мою старшую дочь Элизабет.

Элизабет улыбнулась и очень естественно протянула ему руку. Как будто просто встретила какого-нибудь студента колледжа, а не героя нашего времени.

– Рада видеть вас, полковник, – сказала она спокойно, потом плавно скользнула мимо него в распахнутую дверь посольства.

– А это Энн. – Сделав паузу, мама подтолкнула меня вперед.

Я подняла глаза и взглянула ему прямо в лицо, такое знакомое и такое неожиданное, что чуть не задохнулась. Пронзительный взгляд, высокий лоб, подбородок с ямочкой – все,

как на газетных фото. «Лицо, столь подходящее для памятников и исторических книг», – не могла не подумать я. И вот он стоит так близко, прямо напротив меня, окруженный моим семейством, среди этой неожиданной, почти карикатурной роскоши. У меня закружилась голова, и захотелось очутиться в моей комнате в студенческом общежитии.

Он без улыбки пожал мне руку, отпустив ее быстро, как будто обжегся. Он сделал шаг назад и налетел на каменную колонну. Выражение его лица не изменилось, хотя мне показалось, что он слегка покраснел. Потом он повернулся и последовал за Элизабет и папой в здание посольства. Мама поспешила за ним.

Я долго стояла, не шелохнувшись. Моя рука все еще горела там, где он дотронулся до нее.

Полковник Чарльз Линдберг. Счастливчик Линди. Одинокий орел. Был ли в истории еще такой герой, как он?

Затаив дыхание, дрожа при мысли, что он, великолепный и неподражаемый, так близко, я не могла поверить своему счастью. При Христофоре Колумбе и Марко Поло мир был совершенно другим, огромным; люди, страны, целые континенты были разобщены и спрятаны друг от друга. Но прошло несколько веков, и внезапно планета стала совсем другой – гораздо более доступной. Теперь любые территории находились в сфере досягаемости. И все это – благодаря одному парню из Миннесоты, который был всего лишь на четыре года старше меня.

Однажды прошлой весной, когда я сидела в университетской библиотеке и писала работу об Эразме Роттердамском[4], дверь распахнулась и в комнату влетела какая-то незнакомая женщина. Одновременно плача и смеясь, она схватила меня за руку.

– Человек по имени Чарльз Линдберг перелетел океан! – воскликнула она. Тогда я впервые услышала его имя. Она вытащила меня из-за стола, и мы обе побежали на улицу, где собрались студенты со всего факультета. Взявшись за руки, мы приветствовали этого неизвестного никому человека радостными криками не менее получаса. Это казалось совершенно невероятным, настоящей фантастикой, как в книгах Герберта Уэллса[5], – юноша, словно птица летящий над Атлантическим океаном в полном одиночестве. В двадцать пять он покорил всю планету и небо над ней.

Я жила в мире выдающихся мыслителей и мечтателей. Вокруг всегда были люди старших поколений, чьи величайшие достижения становились сюжетами книг. Эти герои блистали на дипломатических приемах и тому подобное. Они и сами словно сошли со страниц учебников истории или романа: странствующие рыцари, отважные исследователи, бороздящие океаны. Среди моих сверстников героев не было, я искренне была в этом убеждена, пока не обнаружила себя прыгающей от радости и танцующей чарльстон вместе со счастливой толпой студентов, крича во все горло:

– Счастливчик Линди, Счастливчик Линди!

А теперь, поскольку мне выпала честь быть дочкой посла – невероятно! поразительно! – я смогу провести с ним рождественские каникулы, с лучшим из людей, героем из героев. Аминь.

В тот первый вечер он вместе с папой сразу же отправился на официальный прием, а все остальные занялись распаковыванием вещей на втором этаже посольства. «Наша семейная резиденция», – объяснила мама шепотом.

---

[4] Дезидерий Эразм Роттердамский (1466–1536) – крупнейший ученый Северного Возрождения.

[5] Герберт Джордж Уэллс (1866–1946) – английский писатель и публицист.

– У нас четырнадцать слуг, – ликовала Кон, провожая меня в мои апартаменты, в которых имелась собственная ванная комната, – четырнадцать! Мама просто не знает, что с ними делать!

– Не сомневаюсь, она найдет, чем занять их время, – насмешливо откликнулась я.

Мама всегда была заведена, как будильник; звонки раздавались каждый час; она наполняла свои дни встречами, благотворительными обедами, сбором средств и обширной перепиской. Я завидовала ее энергии. В то же время эта горячая, пульсирующая деятельность отрицательно влияла на меня. Когда мы жили в одном доме, у меня было чувство, словно мы обе подвергаемся какому-то научному опыту. Это так сильно угнетало меня, что я всегда искала тихие укромные уголки, где можно поразмышлять, попереживать и по возможности ничего не делать. Вероятно, это просто была защитная реакция. Созерцание – вот что мне было уготовано в жизни, и я стыдилась этого, хотя, по правде говоря, ничего не имела против.

– Еще бы! Завтра будет прием, ты же знаешь.

– В канун Рождества?

– Да, мама говорит, что это вечер для ближнего круга – только для нас и некоторых сотрудников. Но это означает, что на ужин придет не меньше пятидесяти человек!

– Вот незадача! – Я огорченно плюхнулась в кресло, окончательно испортив и так уже помятое дорожное платье.

Вечеринка. С Элизабет. Прежние сомнения, огорчения и парализующие страхи овладели мной. Никто не обратит на меня внимания, полковник станет танцевать только с ней, она будет выглядеть потрясающе, и рядом с ней я покажусь неповоротливой колодой и тупицей, которая толком не может ничего сказать. Возможно, полковник и пригласит меня на танец, но только из жалости…

«Но ведь Элизабет не виновата», – твердила я себе. Моя сестра просто была одним из тех баловней судьбы, как и полковник Линдберг, – легких, изящных и удачливых. Другим оставалось лишь смотреть на них в благоговейном восхищении.

– Что ты собираешься надеть? – устало спросила я Кон.

Она сморщила свой маленький вздернутый носик.

– Что-нибудь шикарное, – произнесла она с такой комичной самонадеянностью, что я рассмеялась, хотя, как ни странно, завидовала и ей тоже. Почему уверенность нельзя разливать по флаконам, как духи? Я бы тогда прокралась ночью в комнаты моих сестер и украла бы парочку, как иногда таскала предметы их одежды.

– Ты бы лучше мне помогла найти что-нибудь подходящее из нарядов, – проворчала я, поворачиваясь к своему дорожному сундуку.

– Чтобы привлечь внимание полковника? – хихикнула Кон.

Я пожала плечами, но не возразила.

На следующий вечер я остановилась у дверей гостиной, чтобы перевести дыхание. В первый раз со времени приезда я увидела, что посольство не было на самом деле таким роскошным, каким казалось на первый взгляд. Оно было похоже на побитое молью платье гранд-дамы, тщетно украшенное драгоценностями и кокетливыми шарфиками. Сияющие люстры и роскошные бархатные портьеры не могли скрыть потертую обивку, паутину трещин на потолке. Обстановка была чистая – не сомневаюсь, что мама приложила к этому руку, – но довольно убогая и потрепанная. Интересно, понравились ли маме ее новые апартаменты, если она их оценила вообще. Она начала строительство нового роскошного дома в Инглвуде, когда папа получил назначение. Строительство все еще продолжалось, но могли пройти годы, прежде чем супруга дипломата переедет в дом своей мечты. Что характерно, она никогда не позволяла себе выражать по этому поводу даже легкое сожаление.

Затаив дыхание, я прислушалась к голосам, раздававшимся из-за двери, – возбужденному голосу папы, грубому хохоту Дуайта, грудному с придыханиями голосу Элизабет и заливистому смеху Кон. А также к новому незнакомому музыкальному инструменту – высокому, но мужественному голосу, иногда добавлявшему односложные реплики в общий хор. Полковник Линдберг. Я почувствовала, как краснею. Лиф вечернего платья стал тесен для моей груди, туго стянутой очень модным и очень неудобным резиновым бюстгальтером, который был куплен по настоянию моей соседки по студенческому общежитию Элизабет Бейкон.

– Где же Энн? – раздался мамин голос. Я представила, как она смотрит на свои часики, и от нетерпения ее рот превращается в тонкую полоску. Я сделала глубокий вдох (насколько это было возможно в проклятом бюстгальтере) и прокашлялась перед тем, как войти в комнату.

– Вот и я, мама. Прошу прощения за то, что меня, кажется, потеряли.

Зал был великолепен – столько сияющих люстр и свечей, что сначала мне пришлось зажмуриться, чтобы привыкнуть к такому блеску. Мне все же удалось рассмотреть очертания всего семейства, собравшегося вокруг огромного рояля в дальнем конце зала. Нужно было пересечь зал, но от одной мысли, что они все будут смотреть на меня, я покрылась потом. Ну, почему я не пришла раньше? Тогда смогла бы проскользнуть сюда незамеченной. Мои щеки горели от взглядов, когда я неловко семенила к родным и друзьям. Уставившись на собственные вечерние парчовые туфли, каблуки которых утопали в пушистом ковре, я наконец добралась до места и почувствовала, как крепко папа сжал мою руку. А подняв глаза, увидела, что никто на меня не смотрит, и чуть не расхохоталась над абсурдностью собственного тщеславия. О чем я думаю, когда он здесь?

Все повернулись к Чарльзу Линдбергу, так что я спокойно смогла спрятаться за спину папы и занять свое привычное место позади толпы. Оглянувшись, мама пробормотала:

– В следующий раз приходи немного раньше, дорогая.

– Да, конечно. Извини, мама. – Я бросила быстрый взгляд через отцовское плечо. Полковник Линдберг стоял по другую сторону пианино, рядом с Элизабет. Папа был весь розовый и круглый в своем вечернем костюме, мой брат Дуайт – крепко сбитый, как кирпичная стена. Полковник же показался мне высоким, стройным и тонким, как лезвие ножа. Ему было не по себе в тесном жилете и черном галстуке. Он стоял неподвижно – острые локти, худые плечи. Почти на всех кадрах хроники и фотографиях, которые я видела, он был в своей летной одежде. Вся нация помнила его поношенную куртку, бриджи, летный шлем и шарф, обмотавший шею. Было странно видеть его без этого наряда.

Но лицо было то же самое – героический лоб, твердый подбородок, высокие скулы. Глаза были поразительно синими; мне показалось, что никогда раньше я не видела таких синих глаз. Их цвет напоминал утро, цвет океана, цвет неба.

Он заметил, что я разглядываю его, отвернулся и начал нервно постукивать пальцами по крышке рояля, словно наигрывая мелодию, слышную лишь ему одному. Именно тогда я обратила внимание на его руки, его пальцы, длинные, красивой формы. Я представила, как они сжимают штурвал самолета, направляя его через океан, и подумала, что такими руками можно совершить многое.

– …не правда ли, Энн?

Кто-то спросил меня о чем-то, я кивнула и сказала «да», совершенно не понимая, чего от меня хотят. Меня поразил звук собственного голоса. Он звучал совершенно спокойно, хотя сердце билось, как сумасшедшее, и все тело сотрясала дрожь.

– Очень хорошо, – проговорил полковник и оживленно кивнул кому-то, не видимому мне. Он по-прежнему словно избегал моего взгляда. Его пальцы стали еще быстрее постукивать по крышке рояля.

Я почувствовала, как сердце стало биться ровнее. Неужели? Неужели героический полковник Линдберг действительно смущается в обществе девушек, как говорили мама и Кон?

Похоже, это было именно так. Когда мы толпились вокруг него, потягивая лимонад и поедая сэндвичи, принесенные армией слуг, разговор то прерывался, то возобновлялся. Молчание прерывалось внезапными взрывами болтовни, которые замирали прежде, чем обрести смысл. Только однажды, когда папа спросил полковника, какая разница между монопланом и бипланом, наш гость пришел в себя и немного расслабился. Охотно и уверенно он разъяснил различия между ними в долгом монологе, который никто не решился прервать. Его слегка скрипучий голос смягчился, он наклонился вперед, голубые глаза засверкали, пальцы перестали двигаться, когда он подробно излагал различия и преимущества моноплана над бипланом.

Поскольку никто из нас, естественно, не мог ничего добавить на эту тему, легкая светская беседа возобновилась, непринужденно подхваченная Элизабет и мамой. Папа в это время сиял лучезарной улыбкой, а Дуайт поглощал сэндвичи в невероятных количествах. Кон даже отважилась поддразнивать полковника время от времени, но он, похоже, этого даже не замечал. Я тоскливо озиралась и мечтала снова очутиться в Инглвуде. Здесь, в сияющем показным великолепием зале, все для меня было чужим, кроме потрепанного американского флага, висящего над позолоченной каминной доской. Этот флаг привез с гражданской войны мой дед, когда мальчишкой служил там барабанщиком. Здесь не было ни одной фамильной фотографии, оправленной в рамку, которые дома стояли на всех столах и подоконниках. Посольство меня интересовало, как людей интересует музей. Мысленно я пообещала себе отправиться на разведку, когда все остальные лягут спать.

– Кажется, вы учились в Смите? – раздался чей-то голос, и через мгновение до меня дошло, что этот вопрос мне задал полковник Линдберг.

Как он вообще меня обнаружил? Только мне удалось найти укромный уголок, куда не попадал яркий свет, и я чувствовала себя защищенной от чужих взглядов, как меня вытаскивают на свет. Тем не менее я кивнула. Потом, собразив, что он, возможно, плохо видит меня в темном углу, согласилась вслух:

– Да, я там училась.

– Элизабет закончила Смит два года назад, – жизнерадостно отозвалась мама.

– Да, полковник, нам это предопределено судьбой. Все девушки семейства Морроу учатся в Смите, а все молодые люди – в Амхерсте, – пояснила Элизабет, и я не могла не восхититься ее спокойным, почти скучающим тоном: точно так же она разговаривала с гораздо менее выдающимися представителями мужского пола. – А вы в каком колледже учились?

Полковник на мгновение оцепенел, но потом собрался.

– В университете в Висконсине. Хотя я его не закончил.

– Правда? – недоверчиво спросил Дуайт. – Вы не закончили университет? Как странно. А что сказали на это ваши родители? Не могу представить, что я услышал бы от папы, если бы не закончил Амхерст!

В это время я не сводила глаз с лица полковника. Оно застыло, будто превратилось в маску. Никогда не видела такого непроницаемого и надменного выражения. И такого оскорбленного.

– Дуайт, помолчи! – вскрикнула я, удивив себя и брата, который обиженно покосился на меня. – Как мог полковник учиться, и одновременно летать, и готовиться к тому, что он совершил?

– Энн совершенно права. Молодой человек, если вы сделаете хотя бы десятую часть того, что сделал полковник, я буду счастлив. Удивлен, но счастлив, – сказал папа, дружески похлопав полковника по спине и неодобрительно кивнув сыну. Я перевела дыхание и почувствовала муки раскаяния. Бедный Дуайт! Опять его ждет «серьезный разговор» за закры-

тыми дверями отцовского кабинета. После очередного выяснения отношений брат снова начинал заикаться.

Полковник Линдберг не ответил. Вместо этого он посмотрел на меня с любопытством, оценивая, пока наши глаза не встретились, что привело обоих в замешательство: я ринулась обратно в угол, а он снова принялся изучать крышку рояля.

К счастью, в противоположной стороне зала начали рассаживаться музыканты. Слуги зажгли еще больше свечей, в камин подбросили дрова, и мама, отец, полковник и Элизабет выстроились в ряд, приветствуя прибывающих на прием. Вскоре комната наполнилась людьми. Женщины в модных коротких платьях с удлиненной талией, украшенные драгоценностями и лентами, завязанными на коротко подстриженных или завитых щипцами волосах, в белых перчатках до локтя; мужчины в черных галстуках и фраках, некоторые с яркими лентами через плечо, на которых сверкали дипломатические медали и ордена. Несколько моих кузин также приехали, пожелав поздравить дядю с новым назначением. Этот пышный прием не имел никакого отношения к уютным, свободным от формальностей сочельникам моего детства, когда мы ходили в церковь. Вернувшись домой, сидели в спальне родителей, слушая, как мама читает Евангелие от Луки. Потом мы тихо молились, а за окном, как благословение, бесшумно падал снег.

Сейчас музыканты играли фрагменты из произведений Баха и «Времена года» Вивальди. Я передвигалась по периметру комнаты, наблюдая за гостями. Почти никто не знал меня, и, стоя в стороне от цепочки встречающих, я была освобождена от обязанности представляться всем этим незнакомым людям.

Все пожирали глазами нашего почетного гостя. Полковник Линдберг был «звездой» на макушке рождественской елки. В углу стояла настоящая ель, ярко украшенная золочеными игрушками, но никто не обращал на нее никакого внимания.

– Бедняга, – прошептала Элизабет мне на ухо. Я повернулась, удивленная, что она нашла меня, почти незаметную между двумя тяжелыми золотыми бархатными портьерами. Я думала, что она по-прежнему стоит в цепочке, встречающей гостей, – уверена, что ему не по себе.

– С виду не похоже, – ответила я, разглядывая полковника.

– Посмотри – выражение его лица совершенно не меняется.

– Да, верно. Оно похоже на маску.

Действительно, улыбка на его лице как будто застыла, она не исчезала и не становилась ярче. Но было невозможно не восхищаться его самообладанием, как решительно и твердо он взирал на длинную вереницу людей, проходящих перед ним. Если бы на его месте была я и на меня были обращены все эти глаза – с таким бессмысленным, пугающим восхищением, – я бы не смогла держаться так спокойно!

– Знаешь, – с улыбкой продолжала Элизабет, – все мужчины хотят быть на его месте. Все эти юристы и дипломаты, посмотри, как они ловят каждое его слово! Они втайне мечтают обладать такой же храбростью, как он, но знают, что ничего подобного им не дано. Грустно становится, когда об этом подумаешь.

– А женщины? – невольно спросила я.

– Для старших женщин – он сын, какого у них никогда не было. Для более молодых – мужчина их мечты.

– Должно быть, трудно оправдывать такие ожидания. Зачем он сюда пришел? Ведь он наверняка устал от такого внимания. – Я повернулась к Элизабет.

Она смотрела на полковника, и легкая улыбка играла на ее маленьких кукольных губках. Что-то опустилось у меня в груди, когда я поняла, что он заинтересовал ее, на что почти наверняка надеялась мама и на что намекала статья в одной из желтых газет, когда впервые разнеслась новость о скором визите полковника в Мехико.

Я тряхнула головой, стараясь избавиться от чувства ревности, ведь полковник едва знал о моем существовании. Да и как он мог заметить меня, когда рядом была моя сестра? Меня, скучную коричневую сосновую шишку, среди всего этого блеска, глянца и позолоты?

– Знаешь, кто-то из папиных коллег создал комитет для содействия развития авиации в помощь дипломатии, и полковник – самый подходящий эмиссар, какого только можно найти. Ты ведь знаешь, что папа встретился с ним в Белом доме, когда вернулся из Парижа?

Я кивнула. Калвин Кулидж[6]был старым школьным приятелем моего отца, именно по этой причине мы теперь находились в Мексике.

– Папа предложил полковнику помощь: сообщать о всех деньгах, присланных на банковский счет эмиссара, и когда полковник спросил, как он может отблагодарить его, папа ответил: «Прилетайте в Мексику!»

Я рассмеялась.

– Это так похоже на папу!

– И это было замечательно, потому что он не мог и мечтать о лучшей рекламе. Президент Мексики просто в восторге. Нельзя было найти лучшую кандидатуру для этой работы. Посмотри на него – он очень привлекателен внешне.

– Ты действительно так думаешь?

– Да, конечно. А ты разве нет?

– Ну да, в некотором роде, – осторожно проговорила я, чувствуя на себе пристальный взгляд сестры. Временами она была так похожа на маму!

– Энн, я хочу, чтобы ты кое-что поняла, – проговорила она странным зловещим тоном.

Но прежде, чем она успела продолжить, на нас внезапно налетела мама.

– Ах, вот вы где, девочки! Спрятались ото всех! Я ведь просила вас помочь мне с полковником Линдбергом. Его просто атакуют – ох уж эти женщины! Можно подумать, что это второе пришествие Валентино![7]К тому же скоро начнутся танцы. Полковник категорически отказывается танцевать, и я подумала, что ты могла бы составить ему компанию. Посиди с ним, Элизабет, чтобы к молодому человеку не приставали. Ты видела эту графиню? Она в два раза его старше, как минимум. Конечно, и ты тоже можешь помочь, Энн, дорогая. Никто не ожидает, что вы будете танцевать. А теперь мне надо пойти поговорить с президентом. Сеньор Каллас, какая честь!

И так же быстро мама скользнула от нас навстречу президенту Мексики, которого я узнала по многочисленным фото в газетах.

– А что, если я захочу танцевать? – проговорила Элизабет с явным стремлением к бунту, чего я от нее никогда раньше не слышала.

Она направилась к полковнику Линдбергу, а я неохотно поплелась за ней. Он все еще стоял рядом с отцом с дежурной улыбкой на лице.

– А ты будешь?

Элизабет остановилась и посмотрела на меня.

– Нет! – И мы обе рассмеялись, объединенные, как обычно, чувством раздражения против мамы.

Все еще смеясь, она дернула за рукав полковника Линдберга и приблизила к нему свое личико. Она была так красива – раскрасневшаяся, с разметавшимися кудрями, что я не сомневалась: полковник беззащитен перед ее чарами. Я не встречала мужчину, который не был бы сначала сражен моей сестрой и, только получив отпор, замечал меня.

---

[6] Джон Калвин Кулидж (1872–1933) – 30-й президент США (с 1923 по 1929 год).

[7] Рудольфо Валентино (1895–1926) – американский актер итальянского происхождения, секс-символ эпохи немого кино.

Но Элизабет не сразила полковника Линдберга. Она была невероятно красива, к тому же не замужем, несмотря на все усилия моих родителей, но даже ей не удалось отыскать слабое место в броне самого знаменитого мужчины на земле.

Осознание этого факта придало мне уверенности. Почему мне надо думать о том, какое впечатление я произведу на полковника, когда я точно знаю, что нулевое? Вскоре я сидела на диване перед камином рядом с Элизабет. С другой стороны от нее сидел полковник Линдберг. Я знала, что он не видит меня, и поэтому чувствовала себя свободно. Предоставив Элизабет вести беседу, я сосредоточилась на своем любимом занятии – разглядывании гостей.

Папа стоял в центре группы мужчин своего возраста, в которых я узнала членов совета директоров компании «Дж. П. Морган и Ко», где папа раньше был партнером. Они оживленно разговаривали, а папа – оживленнее всех. Он был самого маленького роста – всего лишь пять футов три дюйма[8], но своей энергией компенсировал этот недостаток. В этой компании он был единственным, кто родился в бедности, – факт, который он не скрывал, наоборот, очень гордился своим простым происхождением и никогда не давал нам, детям, забывать о нем. «Учеба, учеба, учеба» – было его постоянным лозунгом, и друг нашего семейства спросил меня однажды с удивлением:

– Почему вы, Морроу, так трясетесь над своим образованием?

Но образование сослужило хорошую службу моему отцу: он с наградой закончил Амхерст, потом Колумбийскую юридическую школу, где познакомился со многими сыновьями банкиров, которые помогли ему устроиться в компанию Дж. П. Моргана. А теперь он стал дипломатом, и многие понимали, что это может стать началом успешной политической карьеры. Некоторые даже предсказывали ему дорогу в Белый дом!

Мама всегда была рядом с ним, смягчая, успокаивая и сглаживая все шероховатости, вызванные случавшимися иногда неконтролируемыми выбросами папиной энергии. Это была ее обычная роль. Мама быль столь же вкрадчивой и нежной, насколько он был взрывным; даже сегодня вечером его смокинг выглядел на два размера больше, чем надо. Папа всегда утверждал, что женился удачно, и сегодняшний вечер подтверждал это. Я гордилась мамой, несмотря на некоторое взаимное непонимание; она была до кончиков ногтей женой дипломата в своем изысканном зеленом наряде, длинных перчатках и способностью находиться одновременно в нескольких местах, не меняя своей плавной, царственной походки. Она всегда казалась выше отца, хотя была почти на дюйм ниже. У обоих уже появилась седина. Волосы отца редели, жесткие локоны мамы были собраны в старомодную эдвардианскую прическу. Она утверждала, что на еженедельный визит к парикмахеру, чего требовали новые тенденции моды, у нее нет времени.

Игнорируемая всеми, я продолжала наблюдать за гостями и тем, с каким любопытством, иногда довольно откровенным, они ловили каждый жест полковника. Линдберг был настоящим магнитом – незнакомая, странно харизматичная личность. Ни наносного лоска, ни отработанного годами поведения. Глядя на него, вы не могли не думать о невероятности того, что он совершил, и одновременно о неизбежности этого. Он излучал такую спокойную уверенность, каждое его движение было исполнено такого благородства, такой естественности. Даже когда его речь временами прерывалась, глаза продолжали говорить. Казалось, они всегда видят что-то важное, что-то очень серьезное, находящееся за горизонтом.

– А вы не хотели бы, мисс Морроу? – Полковник наклонился вперед, обращаясь ко мне.

Застигнутая врасплох, я инстинктивно отшатнулась и увидела, что он покраснел.

– Не хотела бы я что?

[8] 160 см.

– Полетать на аэроплане. Ваша сестра попросила взять ее полетать, и, естественно, я хотел бы пригласить и вас. Если вы захотите.

– Летать? Я?

Господи, я и мечтать не могла об этом!

– Не беспокойтесь, это совершенно безопасно, – проговорил полковник с улыбкой – первой естественной улыбкой, которую я заметила на его лице. Внезапно в нем появилось что-то мальчишеское. Он наклонил голову, и непокорная прядь волос упала ему на лоб.

– Летать вообще совершенно безопасно. Несешься в воздушном потоке, как птицы, – это просто божественно. Никогда и нигде больше я не чувствовал себя хозяином своей судьбы. Парить высоко над всеми мелкими страстями, борьбой и соперничеством, происходящими на земле, – как это прекрасно! Это здесь, внизу, существуют опасности, наверху их нет.

Я знала, что полковник способен на многое, но не думала, что он склонен к поэзии. Слушая его, я поняла с некоторым испугом, что хочу летать, хочу испытать это божественное чувство, хочу парить над землей, как это делал он. Быть выше всех, выше горестей и страхов, подняться над собой – над этим убогим телом, головой, полной сомнений, и сердцем, полным тоски.

– О, мне бы очень… – начала я, но внезапно заметила, что перед нами толпятся гости, слушая наш разговор, как будто мы – актеры на сцене. Внезапно у меня язык прирос к гортани, и я лишь отрицательно покачала головой, понимая, что разочаровываю его, но не в состоянии ответить иначе перед всем этим скоплением людей, прислушивающихся к каждому нашему слову.

Но на этот раз он не покраснел и не отступил. Его голубые глаза смотрели на меня со странным выражением. Я заметила в них любопытство, словно была новым видом живых существ, который он только что открыл. Покраснев, я отвернулась и очень обрадовалась, увидев спешащую к нам маму с натянутой улыбкой на губах и тревогой в глазах.

– Что я слышу? Полковник, вы приглашаете моих дочерей полетать на самолете?

– Если они захотят. Естественно, это приглашение относится и к вам, миссис Морроу.

– Какая честь! Элизабет, ты слышишь? Энн?

– Конечно! – Элизабет рассмеялась и откинула назад голову. – Не могу представить никого лучше, с кем хотела бы отправиться в свой первый полет!

– Я… я подумаю, – пробормотала я, просто умирая от всех этих взглядов, обращенных на меня, и понимая, что, если полечу на его самолете, на меня будет устремлено еще больше глаз – газетчики, фоторепортеры, хроникеры.

К моему облегчению снова заиграла музыка – песни из «Медленной лодки», самого популярного шоу этого года, и мгновенно обстановка в комнате разрядилась. Официанты деловито сновали взад-вперед с подносами, уставленными коктейлями – в Мексике не было сухого закона, – и первые пары закружились в танце. Дуайт потянул меня с дивана:

– Пойдем, Энн! Давай станцуем виргинскую кадриль. Я научу их танцевать по-нашему!

И я выскочила на танцпол. Взявшись за руки с братом и кузиной, мы пустились в пляс под звуки мексиканской трубы, выводившей мелодию «Арканзасского путника».

Я любила танцевать. Любила свободу шимми, абсолютное веселье чарльстона. Я могла до самозабвения подчиняться музыке и ритму, забывая о смущении. Чем больше народу толпилось на танцполе, тем веселее мне было. Мы с Дуайтом налетали на танцующих, спотыкались об их ноги, не обращая на это никакого внимания. Мы всегда исполняли этот незамысловатый танец на днях рождения, когда были подростками. Элизабет обычно терзала

фортепьяно, играя какую-нибудь песню Стивена Фостера[9], а отец и мама, сидя рядом на диване, смеялись и аплодировали нам, словно никогда раньше не видели ничего подобного.

Но с тех пор прошло много времени, мы успели вырасти, пойти в колледж и почти забыть о наших детских забавах. Я благодарно улыбнулась брату за то, что он снова подарил мне незабываемые мгновения. Разбудил ту часть моей души, о которой я уже начала забывать. Он помог мне представить, хотя бы только на несколько минут, что мы снова дома в Нью-Джерси.

Всего лишь мгновение! Я была на середине поворота, одной рукой держа брата за руку, другой приподнимая юбку, когда поймала взгляд полковника Линдберга. Он без улыбки, изучающе смотрел на меня, слегка нахмурившись. Даже с такого большого расстояния – он находился на другой стороне комнаты – я ощутила всю силу его неодобрения. Конечно, я была смешна! Девушка, танцующая детский танец, когда парень, ненамного старше меня, пересек целый океан!

Внезапно моему лицу стало так горячо, как будто в комнату заглянул раскаленный солнечный диск и повис у меня над головой. Выпустив руку брата, я прошептала:

– Ох, Дуайт, какие мы глупые! Мы же не дети.

– Ну и что? Мы просто веселимся!

В это мгновение моя кузина Дикки набросила черную кружевную салфетку на мои волосы и вколола в них розу, а затем подтащила меня к полковнику Линдбергу.

– Ведь правда, полковник, Энн выглядит совсем как сеньорита.

Он рассмеялся. На мгновение я действительно почувствовала себя испанкой в своем красном платье, с загорелой кожей. Я мельком бросила взгляд в зеркало на свои волосы, темные и сияющие, с красной розой, воткнутой в них, и наклонилась ближе, чтобы рассмотреть свое отражение.

Но в зеркале я увидела полковника, глядящего прямо на меня. Он явно чувствовал себя неловко, как будто ему жал воротничок рубашки. Когда наши глаза встретились, он, прищурившись, отвернулся.

– Ох, Дикки! – Я вытащила цветок из волос и бросила его на пол. – Как глупо!

Неловко переваливаясь с ноги на ногу, я ушла с танцпола, а они наверняка смотрели мне вслед с насмешкой. Как же это было глупо – вести себя подобным образом! О чем я думала? Слезы выступили у меня на глазах, я стала пробираться сквозь толпу гостей, а какая-то дама, уставившись на меня выпуклыми, как у рыбы, глазами через стекло фужера, нараспев произнесла:

– Никогда не видела такого красного лица!

Неужели я действительно такая багровая? Я прижала ладонь к щеке и тут же отдернула. Мне показалось, что я прикоснулась к печной дверце. Очутившись наконец в пустой прихожей, я помчалась что есть духу, сама не понимая куда и в конце концов очутилась на черной лестнице. Спотыкаясь, я поднялась на второй этаж и стала носиться от комнаты к комнате, как бильярдный шар. Я была совершенно потеряна. Все двери выглядели совершенно одинаково. Господи, как же мне найти свою комнату? Как же я мечтала в эту минуту очутиться дома! Чтобы никогда не встречать полковника Линдберга – такого самодовольного, такого высокомерного! Каким надменным взглядом он смотрел на меня, как будто был Калвином Кулиджем или самим господом богом. «Я не танцую», – сказал он маме, и все в зале сразу же почувствовали себя неловко оттого, что они танцуют. Как он смел вести себя так?

Мое сердце было как печь, раскаленная от гнева. Отбросив салфетку, каким-то образом прицепившуюся к моей прическе во время моего стремительного броска, я осмотрелась

[9] Американский композитор, поэт и певец. Писал романтические и лирические песни на свои тексты. Его мелодии использовали многие композиторы XX века.

и обнаружила, что стою у зеркала с треснувшей серебряной рамой. У того самого зеркала, в которое я смотрелась, когда вышла из своей комнаты перед началом приема, чтобы убедиться, что у меня все в порядке. В состоянии легкой истерики я распахнула дверь, и моему взгляду представились мои собственные красные шерстяные шлепанцы, брошенные у входа. Все правильно – кровать под пологом и кимоно в цветах, которое я использовала в качестве пеньюара, лежащее на покрывале.

Ворвавшись внутрь комнаты, я бросилась на кровать. Мой гнев улетучился, и вместо него пришло знакомое чувство вины и неуверенности в себе. Не причинила ли я боли Дуайту, бросив его в одиночестве посередине танцпола? Не стала ли я всеобщим посмешищем, выбежав из комнаты у всех на виду? Но время шло, и никто не стучался в мою дверь. Я слышала веселые звуки вечеринки, доносившиеся снизу – музыку, звон бокалов, внезапные взрывы смеха, – и понимала, что обо мне забыли. Никто не собирался меня искать, и я была в растерянности, не понимая, как к этому отнестись.

Постепенно я успокоилась. Щеки больше не горели, и даже ужасный бюстгальтер жал не так сильно. Внезапно я услышала звук шагов. Кто-то остановился около моей двери. Я увидела, как в щели под дверью появился конверт, потом некто поспешно удалился.

Думая, что это записка от Дуайта или Кон, я вскочила и схватила ее. Но она была не от них – легко догадаться по отсутствию чернильных пятен и отпечатков пальцев на конверте. Мое имя было выведено очень аккуратно незнакомой рукой – четкий, уверенный почерк, которым обычно пишут военные.

Или летчики.

От внезапного приступа волнения мое сердце переключилось на самую высокую скорость, а колени подогнулись. Но я не позволила себе открыть конверт.

Когда я была маленькой, то больше всего приводила отца в умиление тем, что могла дольше всех сосать леденец и никогда не спрашивала разрешения взять еще порцию.

– Энн – очень дисциплинированный ребенок, – любил он говорить друзьям.

Это была единственная характеристика, которой я удостоилась. И как любой человек, обладающий лишь одним талантом, я холила и лелеяла его. Я не знала, что такое стащить булочку перед обедом или просто так, без всякой причины, купить новое платье.

Положив конверт на кровать, я занялась ежевечерним ритуалом высвобождения из платья и нижнего белья: отстегнула подвязки, сняла чулки, распустила корсет, сложила белье и аккуратно запихнула в маленький шелковый мешочек, свисающий с дверной ручки. После долгих раздумий я выбрала в шкафу, где размещалась моя одежда, невероятно тщательно вычищенная и сложенная одной из четырнадцати служанок, розовую ночную рубашку с длинными рукавами. Сев за туалетный столик, я распустила свои длинные каштановые волосы и провела по ним щеткой ровно сто раз, причем щетка время от времени запутывалась в их жестком сплетении. И все это время я могла видеть белый конверт, ожидающий на ярко-красном покрывале, как запечатанный рождественский подарок. Несмотря на любопытство, я тщательно стала втирать ночной крем «Пондс» в лоб и щеки и похлопывать по лицу и шее, делая массаж.

Только после этого я легла в постель и протянула руку к конверту. Пальцы дрожали, но это была приятная дрожь, поскольку на этот раз (в виде исключения) я не боялась увидеть того, что меня ожидает.

Мисс Морроу,

Я искал вас, но был уведомлен, что вы рано ушли с приема. Не могу вас винить за это, поскольку сам не в восторге от подобных мероприятий, хотя, безусловно, крайне благодарен вашему отцу за его гостеприимство по отношению ко мне.

После нашего короткого разговора я не мог не подумать, что, несмотря на ваше молчание по этому вопросу, вы хотели бы совершить полет на моем аэроплане. Думаю, что понимаю ваши колебания. Мне также не хотелось бы предпринимать наш первый вылет в окружении газетных репортеров и фотографов. Поэтому я предлагаю следующее.

Если вы захотите принять мое предложение, давайте встретимся на кухне в четыре пятнадцать утра. Мы сможем вернуться до завтрака, и тогда никто ничего не узнает.

Тем не менее я допускаю, что неправильно истолковал причину ваших сомнений, и не обижусь, если вы откажетесь от моего предложения.

Искренне ваш,
Чарльз Огастес Линдберг

К тому времени, как я закончила читать, мои руки уже не дрожали. Наоборот, я начала смеяться. Тихо, неуверенно, но я смеялась. Если вы захотите принять мое предложение… О, какие удивительные слова! Адресованные мне, и только мне одной!

Полковник Линдберг искал меня! Он знал обо всем, что я думаю, но не мог выразить, когда на него смотрело столько народу. Конечно, я мечтала ощутить свободу полета, о которой он рассказывал, но внутри таился страх, что я провалю это испытание и не оправдаю его ожиданий. И все же, если я провалюсь – начну кричать от страха, или меня затошнит, или струшу в последнюю минуту, – как бы мне не хотелось увидеть это напечатанным на первых страницах всех газет в стране!

Элизабет была просто создана для такого рода популярности. Она бы не спасовала, поскольку не трусила ни перед чем в жизни, хотя я подозревала, что мое желание летать на аэроплане было более искренним, чем сестры. Несмотря на ее очевидный интерес к полковнику Линдбергу, я была уверена, что она просила взять ее в полет в первую очередь потому, что от нее этого ждали.

Есть некоторая выгода в том, что ты некрасивая, поняла я, причем не в первый раз. От Дуайта ожидали, что он закончит Амхерст с отличием просто потому, что отец тоже был отличником. От Элизабет ожидали, что она станет ослепительной красавицей и сделает удачную партию. Кон была еще слишком мала и слишком избалована, она была любимицей семейства, к ней не возникало вопросов.

От меня же ожидали – чего? Никто никогда не формулировал точно – я знала только, что не должна разочаровать или опозорить семью, все остальное было совершенно неважно.

Или кому-то все-таки важно?

Нет, конечно, нет. Упрямо тряхнув головой, я напомнила себе, что в реальной жизни герои не интересуются такими девушками, как я. Полковник пригласил меня из-за банальной вежливости. В конце концов, ведь я была дочерью посла.

Но все-таки он меня пригласил, и этого было достаточно, чтобы заставить меня глупо улыбаться своему отражению в зеркале, висевшем напротив кровати. Внезапно я поняла, что уже очень поздно. Засунув записку – его записку – под подушку, я завела будильник, поставив его на четыре утра. Мой живот был полон бабочек и других насекомых, беспокойно щекочущих меня крылышками, что полностью соответствовало обстоятельствам, не могла не подумать я, так что я едва смогла провалиться в сон.

Но даже в своем коротком беспокойном сне я помнила, что под подушкой у меня лежит мечта, которую мне совсем не хотелось разрушать.

Глава вторая

На следующее утро я почти опоздала. И не потому, что проспала – я проснулась чуть не на полчаса раньше, чем зазвонил будильник, – а потому что в первый раз в жизни не могла выбрать, что надеть.

Обычно я не очень беспокоилась об этом. У меня имелся вполне достаточный, хотя довольно скучный гардероб, который мы с мамой в начале каждого сезона покупали в Нью-Йорке, главным образом у «Лорда & Тейлора»[10]. Ежедневные платья, юбки, свитеры, одно или два скромных вечерних платья, костюмы для тенниса, юбки для гольфа.

Но ни единого предмета одежды для полета на аэроплане! Разбирая одежду, которую привезла с собой, я не могла решить, что подойдет для полета в небе. Я видела фото нескольких летчиц, на всех была одежда, похожая на костюм полковника Линдберга – бриджи, свободная куртка, летный шлем и перчатки.

Свою единственную пару бриджей я оставила в институтском общежитии, поскольку в посольстве не было лошадей, на которых можно было бы в них кататься. Но я привезла с собой костюм для гольфа, который в конце концов и надела – свитер, плиссированную юбку, туфли на плоской каучуковой подошве и гольфы. Я заплела волосы в косу и заколола ее и в последнюю минуту схватила шерстяное пальто, которое надевала в поезде. А потом на цыпочках стала спускаться по задней лестнице, которую обнаружила накануне вечером. Спустившись в незнакомый холл на первом этаже, я немного поплутала и наконец нашла большую кухню, напичканную множеством эмалированной посуды, начищенной, сверкающей и ожидающей, когда она понадобится. В это время суток кухня была пуста. Не осталось ни единого признака вчерашней вечеринки – ни грязных тарелок, ни даже одинокого бокала со следами губной помады.

Но потом я обнаружила, что кухня не пуста. Полковник Линдберг скованно стоял около плиты в поношенном коричневом летном костюме, кожаной куртке и своем любимом летном шлеме, с летными очками в руке. Когда я влетела в комнату, он посмотрел на часы, и легкая морщинка перерезала его лоб.

– Вы опоздали.

– Я знаю и прошу прощения. Долго не могла понять, что надеть. Это подойдет?

В порыве я подняла край своей юбки, как немецкая молочница.

– Сойдет, хотя брюки подошли бы больше.

– Не привезла ни одной пары.

– Я не подумал об этом. Хотя все это не имеет значения. А вот пальто хорошее.

– Спасибо. – Нелепые слова гулко отозвались у меня в ушах.

Не говоря больше ни слова, он повернулся, чтобы выйти из кухни. Так же молча я последовала за ним.

Снаружи, на широкой покрытой гравием аллее позади посольства, стояла машина с шофером. Каким образом он все это успел организовать, было для меня загадкой. Мы оба сели на заднее сиденье – он распахнул передо мной дверь, – и машина помчалась.

В этот час только краешек неба начинал розоветь, тем не менее улицы Мехико-Сити были освещены лучше, чем вчера, и я смогла их рассмотреть. Узкие переулки были пустынны. Здания были почти все белого цвета: и каменные дома, и легкие деревянные постройки с арочными окнами и дверями, и красно-оранжевыми черепичными крышами. Цветы свисали из каждого окна, обвивали дорожные столбы, даже корыта с кормом для лошадей. Яркие красные и розовые оттенки, экзотические растения, которые я видела только

[10] Один из старейших магазинов одежды в США, расположен в Нью-Йорке на Манхэттене.

в оранжереях, – орхидеи, гибискус и жасмин. Мы миновали огромную площадь с фонтаном посередине; я представила себе эту площадь, заполненную танцующими сеньоритами в длинных черных мантильях и играющими на трубах мужчинами в сомбреро.

Старые ветхие дома чередовались с новыми, современными зданиями, главным образом отелями. Сухой закон помог превратить Мехико-Сити в место развлечений для богатых, и деньги, которые они желали потратить, чтобы свободно выпивать, были выставлены на всеобщее обозрение.

Я была так погружена в разглядывание города, что почти забыла о полковнике Линдберге, безмолвно сидевшем рядом со мной. Только после того как мы выехали из города на грязную дорогу и я наконец перестала глазеть на пейзаж за окном и откинулась назад, я заметила, что полковник забился в противоположный угол. Он по-прежнему хмурился. Покраснев, я постаралась исправить свою невежливость.

– Простите меня – прежде у меня не было еще возможности рассмотреть Мехико, только из окна поезда.

– Понимаю, – ответил он, потом повернулся и стал смотреть вперед с каменным лицом.

Я не могла придумать, что ему сказать – надо, чтобы это что-то было достаточно важным и серьезным. Но в моей голове не было ни единой дельной мысли, и остаток пути мы проехали в молчании. Дорога была недолгой. Вскоре машина свернула с пути и въехала на широкое плоское поле, на котором виднелось несколько служебных зданий. Платформа, на которой несколько дней назад стояли папа и все сановники, ожидая, когда он приземлится, все еще находилась там; внезапно фары нашей машины осветили разорванные и смятые флаги с цветами Мексики и Соединенных Штатов, сваленные сбоку.

Около самой большой постройки стояла лошадь, привязанная к ограде.

Машина остановилась, и мы вышли. Следом за полковником я вошла в здание, такое большое, что оно напоминало конюшню. Но внутри оно не было разделено на стойла, а представляло собой нечто вроде пещеры. Вместо лошадей там стояли самолеты, а вместо запаха свежего сена и лошадиного навоза воздух был пропитан ядовитыми парами бензина.

– Доброе утро, – обратился полковник к одетому в рабочий комбинезон мужчине, который поспешно вскочил с походной кровати. Рядом с кроватью лежала винтовка. Мужчина зевнул, но, когда он узнал визитера, его лицо осветила радостная улыбка.

– А, это вы, полковник!

– Надеюсь, трудностей не возникло?

– Никаких! Но, конечно, у меня здесь имеется оружие. Так, на всякий случай.

Энергично кивнув, полковник схватил гаечный ключ и большими шагами направился к самолету, стоящему в дальнем конце ангара. Через мгновение до меня дошло, что это тот самый самолет, его самолет, тот самый «Дух Сент-Луиса».

Я устремилась за полковником, радуясь, что надела удобные спортивные туфли на плоской подошве, потому что заметила впереди весьма неприятные лужи со скользкой грязью.

– О, полковник, можно мне посмотреть на него?

– Пожалуйста, называйте меня Чарльз.

– Если вы будете называть меня Энн.

Он на мгновение остановился, медленно кивнул, как будто обдумывая предложение, и произнес:

– Энн.

Хорошо, что он ничего не сказал больше, поскольку в ту же минуту мои уши наполнили раскаты моего собственного пульса. Не могу описать, что я почувствовала, услышав, как он произносит мое имя. Это было глупо, смешно, но на этот раз я почувствовала, что поняла точное значение слова «экстаз».

Потом он направился к самолету.

– Не спешите. Мне просто надо затянуть вал. Я заметил, что он разболтался, когда садился.

– Почему у этого человека винтовка?

Чарльз вздохнул.

– Чтобы защитить мой самолет от охотников за сувенирами. Они отрывали от него куски, когда я приземлился во Франции. С тех пор я держу кого-нибудь, кто постоянно охраняет машину.

– О. – Я с трудом поспевала за ним; он был таким высоким, а его шаги – такими длинными. А я была коротышка. Мы миновали несколько самолетов: интересно, на каком из них мы полетим? Конечно, я понимала, даже еще не увидев его близко, что мы не можем лететь на «Духе Сент-Луиса». Он был приспособлен только для одного летчика.

Который сейчас на четвереньках залез под свой самолет. Я смотрела на это с благоговейным ужасом. До этого момента я видела этот самолет только на кадрах хроники. Поэтому, когда я узнала широкие голубые крылья, открытую кабину, сконструированную таким образом, что пилот мог видеть только то, что происходит по бокам, а не впереди – это имело какой-то технический смысл, который я не могла сразу вспомнить, – и надпись «Дух Сент-Луиса», выведенную на носу, черным по серебряному фону, то не могла отделаться от ощущения, что в жизни он оказался гораздо меньше, чем казался на кадрах хроники. Совсем как кинозвезда, как Глория Свенсон[11], хихикнула я. Как забавно думать, что теперь этот самолет стал более знаменит, чем она!

– Что смешного? – раздался тонкий пронзительный голос из-под самолета.

– Ничего.

– Когда я приземлился, то почувствовал, что что-то не в порядке. Я подумал – ага! Вот оно что!

Вскоре полковник выбрался из-под самолета, все еще на четвереньках, и уселся прямо на земле, прислонившись спиной к колесу своего самолета. На его испачканном лице сияла улыбка.

Сейчас он казался таким спокойным, совсем не похожим на скованную и неловкую фигуру в вечернем костюме, как прошлым вечером. Я не осознавала, сколь напряжен он был тогда. Сейчас его руки и ноги выглядели расслабленными; он похлопал по самолету так, как ковбой оглаживает свою любимую лошадь. Мне стало неловко, как будто я случайно увидела интимную сцену.

– Можно мне потрогать? – спросила я, удивленная собственной смелостью.

– Конечно! – Чарльз вскочил на ноги. – Не бойтесь, ему не больно!

Он снова улыбнулся, на этот раз так широко, что все его лицо расплылось, а в глазах появились мальчишеские искорки.

– Как, это ткань? – Я не могла поверить; аэроплан, на котором он перелетел через океан, был сделан только из парусины и жесткого металлического каркаса!

– Да. Ткань, покрытая смазкой – вид защитной жидкости. Это делает его достаточно прочным и достаточно легким, чтобы выдержать полет.

– А самолет, на котором мы полетим, тоже сделан из материи?

– Да. Но не беспокойтесь, мисс… Энн. Уверяю вас, это совершенно безопасно.

– О, я не сомневаюсь, – мне хотелось показать ему, что я не боюсь.

Да и чего мне было бояться? Не было никого, кому бы я доверяла больше, чем Чарльзу Линдбергу, хотя только что познакомилась с ним. С кем еще я могла бы подняться в небо?

---

[11] Глория Свенсон (1899–1983) – американская актриса, продюсер, икона стиля своего времени и одна из самых ярких звезд эпохи немого кино.

Следующие минуты были полны бурной деятельности; после того как Чарльз осмотрел свою машину, охранник прицепил к трактору нос другого самолета – биплана, как я узнала из вчерашней лекции Чарльза. Этот самолет был покрашен в голубой цвет с яркой оранжевой отделкой, а не в серо-голубой монохром, как «Дух Сент-Луиса». С пронзительным ревом, который вспугнул ласточек, устроившихся около входа, трактор тронулся и потащил самолет наружу из ангара. Чарльз нашел для меня шлем и летные очки, и я поспешно последовала за ним из ангара к самолету, который теперь находился в конце узкой, коротко подстриженной полоски травы в середине поля. В тусклом утреннем свете я едва могла различить флаг в конце этой взлетной полосы, развевающийся под легким бризом.

Было тепло и пахло чем-то сладким, похожим на мятные леденцы. Высоко в небе плыли редкие белые облака, и я не могла поверить, что через несколько мгновений буду парить среди них.

Застегнув шлем под подбородком, я разглядывала самолет; два места были расположены друг за другом, то, которое сзади, было немного выше, чем то, которое впереди. Кабина была открытой.

– Как мы попадем внутрь?

– Поднимемся на крыло, – ответил Чарльз. Он наклонился ко мне и затянул ремешок шлема. – Вот так. – Он серьезно осмотрел меня, потом кивнул, как будто убедился, что на мне все надежно закреплено. Мне было приятно его внимание, хотя я отдавала себе отчет в том, что это всего лишь часть обязательного предполетного осмотра, внесенная в список, который он держал в кармане. Он уже тщательно проверил дроссель, топливо, стер пыль со своих летных очков. Потом натянул кожаные перчатки.

– Будет очень шумно и ветрено, – сказал он мне, и его голос внезапно стал совершенно другим – деловитым и резким, – мы не сможем разговаривать. Около вашего сиденья есть рычаги управления, но не беспокойтесь – они не понадобятся. Я буду сидеть сзади, вы – впереди. Убедитесь, что вы надежно пристегнуты. На вашем месте я бы не высовывал руки наружу. Да, и жуйте вот это.

Пошарив рукой в кармане своей куртки, он вытащил жевательную резинку.

– Зачем это?

– Поможет, когда у вас заложит уши.

– Понятно.

Я послушно развернула обертку и положила резинку в рот.

– Что-нибудь еще? – невнятно пробормотала я и стала жевать резинку, пока не заболели челюсти.

– Нет. Просто расслабьтесь. И получайте удовольствие.

Потом мне помогли взобраться на крыло, сделанное из той же самой материи, как и у «Духа Сент-Луиса», и я ногами ощутила ее прочность. Забравшись на свое место впереди, я обнаружила ремень безопасности и пристегнула его. Верхнее крыло самолета образовало надо мной что-то вроде навеса. Перед собой я увидела рычаг и круглую панель инструментов, о которых сказал Чарльз. Внизу имелась педаль. Я оказалась стиснута в открытой кабине в полусогнутом состоянии. Непонятно, как он пробыл в таком положении сорок часов, ведь у него такие длинные ноги.

Не видя этого, я почувствовала, как впереди начал вращаться пропеллер, самолет затрясся, и ветер ударил мне в лицо. Двигатель начал фыркать и чихать, потом взревел, и я судорожно задвигала челюстями, пережевывая резинку, чтобы пересилить этот пронзительный скулящий звук. Потом самолет побежал по полю, набирая скорость. Меня швыряло из стороны в сторону, и я чувствовала телом каждую выбоину и колею на земле. Интересно, как мы вообще сможем взлететь? Земля неслась рядом со мной все быстрее и быстрее, пока внезапно не стала совершенно гладкой – ни рывков, ни скачков. Как будто я была подвешена

в воздухе, подвешена во времени, и потом, когда мой желудок решил проверить свои границы, я поняла, что так оно и есть.

Я была в воздухе. Мое сердце билось где-то в горле, желудок сначала пульсировал, потом разрывался на части, когда мы поднимались все вверх, вверх… Верхушки деревьев, зеленые, покрытые густой листвой, проносились так близко, что я могла до них дотронуться. В следующее мгновение они остались внизу.

Самолет сделал вираж вправо, и внезапно я снова увидела летное поле, строения и лошадь, которая становилась все меньше и меньше, пока не превратилась в игрушечную. Ветер рвался мне в лицо, глаза жгло, даже под летными очками. В уши как будто налили воды. Давление в них было невыносимым, пока я не вспомнила о жевательной резинке. Яростно жуя, я почувствовала, что сначала выстрелило мое левое ухо, потом правое, и я снова услышала ободряющий рев двигателя и ветер, свистящий мимо лица.

Самолет выровнялся. Я не могла оторваться от вида, расстилавшегося передо мной, вертелась, вытягивая шею то туда, то сюда. Снизу справа я увидела горы. Вершины гор! И дома, которые выглядели, как кукольные домики. Аккуратные поля расстилались геометрическими фигурами – квадратами и прямоугольниками.

Облака оставались выше нас: похоже, нам не удастся добраться до них. Но это не имело никакого значения, здесь тоже было на что посмотреть. Я не чувствовала себя невесомой, не чувствовала страха, что выпаду из самолета. Что я ощущала – так это необычайную легкость. Я летела над всем. Над земными заботами, страхами и сомнениями. Именно так, как сказал Чарльз.

Чарльз! Мое сердце трепетало при этом имени, как будто на короткое мгновение я стала одной из плеяды летчиков, этих баловней судьбы. И он был здесь, позади меня! Я почти забыла об этом, хотя полностью доверилась ему. Без единого сомнения я отдала в его руки свою жизнь, уверенная, что он о ней позаботится. И в это мгновение, первое мгновение полета, когда подверглись сомнению законы гравитации – такому же сомнению подверглись и мои жизненные принципы. До этой минуты я держала себя в руках. Но потом моя жизнь была передана мной, буквально и фигурально, человеку, который сидел позади меня. Человеку, несшему меня по воздуху и делавшему все, чтобы я не упала вниз. Моя судьба больше не принадлежала мне: какая разница, что я планировала сделать сегодня, завтра, в следующем году. Мне нужно было лишь подчиняться ему и быть, существовать, как простейший организм. Как птицы, парящие надо мной.

Все страхи улетучились. Разве я всегда не мечтала, чтобы кто-нибудь увез меня далеко-далеко? Я постоянно твердила себе, что жизнь – это не волшебная сказка, но в глубине души надеялась, что это не так. Да и какая молодая девушка не мечтает о герое, который освободит ее из башни одиночества? Я не составляла исключения, разве что была более усердной в создании этой башни из слоновой кости собственной конструкции с фундаментом из книг, со стенами из булыжников чувства долга, со страхами и сомнениями – засовами на окнах.

И вот я здесь, унесенная бог знает куда – выше всех башен, дальше всех засовов, – наедине с самым героическим из людей.

Мне страстно хотелось увидеть его лицо, убедиться, что он реальный, в конце концов. Но я не осмелилась повернуться назад. Я не представляла, как это возможно. Ветер с силой прижимал меня к сиденью. Мне требовались все мои силы, чтобы повернуть голову налево или направо, вверх или вниз. Проще всего было смотреть вперед.

Что я и делала. Постепенно напряжение спало, и я восторженно глядела на землю, летящую подо мной, дивясь тени самолета, бегущей за нами даже в этом утреннем полусвете, как хвостик. Мои уши привыкли к реву двигателя, и он превратился в легкий шум. Глаза все еще горели и слезились, но я уже привыкла к холоду. Ноги и руки застыли, но я этого не чувствовала. Мне хотелось навечно остаться в небе, кружить над этой долиной. Я

радовалась гладкой земле, летящей подо мной, полям, на которые мы могли приземлиться, если необходимо. Я не могла себе представить, как он летел над этой огромной, холодной поверхностью воды бесконечные часы. Как бы он смог приземлиться, вернее, приводниться, если бы возникли непредвиденные трудности? Никак. И все же он полетел, зная это.

По некоторым признакам я поняла, что мы постепенно снижаемся: сплошные массивы зданий стали превращаться в отдельные дома, рядом с которыми можно было даже рассмотреть людей. Через некоторое время я смогла различить, что люди эти прыгают и машут руками. Я рассмеялась – они выглядели такими счастливыми и необычными, как ожившие примитивные древние рисунки в пещерах. Я пыталась махать им в ответ, но поток ветра стремился вырвать руку из сустава, поэтому я снова изо вех сил прижала ее к телу, надеясь, что Чарльз не заметил моих попыток.

Теперь уже на горизонте вырисовывалось летное поле, сначала далеко, но потом все ближе и ближе, деревья снова стали большими, и их верхушки оказались как раз под нами, потом рядом, потом выше… и мы коснулись земли. Мы помчались по полосе поля так же быстро, как и при взлете, снова я почувствовала землю – ухабистую, изрытую колеями, и мои зубы громко застучали. Хотя я жевала резинку все время, она больше не помогала, став просто куском резины. У меня заложило уши.

Мы замедлили ход; мотор стал чихать, и самолет, вздрогнув, остановился. Прошло еще некоторое время, прежде чем я поняла, что мотор замолчал, раздавались только отдельные выхлопы; в ушах продолжало стучать.

Позади раздавались непонятные звуки, как будто заговорил ветер. Я сидела, боясь пошевелиться и нарушить чары происходящего. Внезапно на меня нахлынула грусть. Мне не хотелось снова возвращаться на землю, снова становиться осмотрительной, примерной девочкой Энн. Мне нравилась та беззаботная, сумасбродная девушка, которой я почувствовала себя в небе. И мне совсем не хотелось прощаться с ней.

Кто-то заговорил со мной, кто-то тряс меня за плечо.

– Ну как? Вам понравилось? – Это был полковник Линдберг.

Он стоял на крыле рядом со мной, расстегивая ремень, которым я была пристегнута, так что его лицо было всего в нескольких дюймах от моего. Я почувствовала внезапное тепло его близости, его руки на моем плече. Потом он схватил меня за локоть и поднял с сиденья – тошнота накрыла меня волной, мой желудок бастовал, как будто мы все еще были в полете.

Затем мои ноги неким непонятным образом оказались на земле, и журчащий, смеющийся голос наполнил воздух. Лишь через какое-то время я поняла, что этот голос принадлежит мне.

– Ох, я это сделала! Я никогда не чувствовала такой радости и такой свободы – о, это было так прекрасно! Я совсем не боялась, ни капельки! Это было, как в самой прекрасной церкви, даже лучше, как будто ты находишься так близко от бога, что видишь землю такой, как видит он. Оттуда все выглядит совсем по-другому, ведь правда? А вы видели, как люди махали нам? Думаете, они узнали нас? Не могу дождаться, когда полечу снова – вы возьмете меня с собой в полет? Возьмете?

Чарльз слушал меня с открытым ртом. Наконец я вынуждена была замолчать, чтобы перевести дыхание, чем дала ему возможность заговорить. В выражении его глаз я увидела что-то новое – не легкое высокомерие, которое было прошлым вечером и не тот изучающий взгляд исследователя.

– Вы не чувствуете тошноты? Голова не кружится?

Я покачала головой.

– Нет, ни чуточки!

– Хорошая девочка. Мне лучше доставить вас домой, пока не хватились родители. Но я буду счастлив снова пригласить вас в полет, мисс… Энн.

– О, прекрасно, – сказала я и снова замолчала.

Я не могла придумать, что сказать ему, поскольку единственный раз в жизни уже сказала все, что думала, все, что чувствовала.

Мы в молчании проследовали до ангара, потом так же молча сели в машину и помчались по пробуждающимся улицам Мехико.

Зачем нужны слова, когда мы только что вместе поднялись в небо?

Глава третья

Обратно на землю.

С глухим стуком я упала в свою обычную жизнь. После отъезда из Мексики – снова на поезде, таком прозаическом средстве передвижения, – я не могла не думать о том, чтобы снова устремиться назад, на север, как перелетная птица, но вместо этого возвращалась в Смит. Занятия, письменные работы, безумие последнего семестра перед выпуском, со всеми собраниями и множеством форм и документов, которые необходимо заполнить, и финальных тем, которые надо завершить, – все это окружило меня, как цепляющиеся усики плюща, приковывая к земле.

Никому, кроме моей соседки по комнате, я не рассказала о своем тайном самостоятельном полете с полковником Линдбергом. Элизабет Бэйкон мне не поверила. Да и почему она должна была верить? Газеты были полны отчетов об официальном полете, произошедшем на следующий день, во время которого Элизабет, Кон, мама и я поднялись в небо на огромном фордовском трехмоторном самолете, который отвез нас к югу от Мехико-Сити. Изучая нечеткие газетные фотографии, я не могла не улыбнуться, увидев на некоторых из них мрачное выражение на лице Элизабет. Когда она приземлилась, ее лицо было зеленоватого цвета. Но все-таки ей удалось позировать всем этим фотографам и репортерам с очаровательной самоуверенностью, а Чарльз стоял рядом с ней с застывшей улыбкой, которую я уже начала распознавать как официальное выражение лица. Мне казалось, что он даже рад, что имеется кто-то еще, на кого устремлено всеобщее внимание. Как же я мечтала в тот момент, чтобы на месте Элизабет была я! Но, почти парализованная от вида всех этих камер, я робко стояла позади вместе с мамой и Кон – по-прежнему скучная неловкая Энн.

Итак, я хранила в памяти наш утренний полет и старалась убедить себя, что он значил для него больше, чем постановочное публичное выступление вместе с Элизабет, мамой и Кон. Но время шло, зима сменилась весной, а я не получала никаких новостей о полковнике. Интерес газет к его персоне не уменьшался. Наоборот, он только нарастал, поскольку полковник продолжал совершать полеты по стране, летал в Латинскую Америку, объединяя страны и континенты, проповедуя пассажирские полеты, занося на карту маршруты, ставя новые рекорды по скорости и дальности полета с почти уже надоевшей регулярностью. Чуть не каждый день появлялись слухи о его помолвке, поскольку теперь, когда мир нашел своего героя, все с нетерпением ждали, когда тот обретет свою героиню.

Имя Элизабет возникало не однажды в качестве подходящей кандидатуры. Мое – никогда. Очевидно, посол Морроу имел всего лишь одну дочь, достойную упоминания.

Итак, я погрузилась в свои занятия и делала все возможное, чтобы не обращать внимания на газеты и кинохронику. Еще более жадно, чем обычно, я обратилась к своему дневнику. Всегда была такой – могла собрать воедино свой разрозненный мир, лишь занеся его в дневник.

Мои страхи, однако, оставались прежними; после поразительной близости, возникшей между нами с полковником во время полета, остальное наше совместное времяпрепровождение во время каникул было всего лишь данью вежливости, и ничем больше. Я была уверена, что он забыл обо мне, даже когда цеплялась за воспоминания, становившиеся с каждым часом все слабее. Но время шло, и наконец я с трудом могла отличить, что придумала, а что было на самом деле.

Как-то в апреле, в одну из суббот, устав от книг, газет и себя самой, я попросила у Бэйкон ее олдсмобиль и поехала на крошечное летное поле около Нортгемптона. Я заплатила пилоту пять долларов, чтобы он поднял меня в небо на биплане, который был гораздо меньше того, на котором я летала с Чарльзом. Устроившись на сиденье, я пристегнулась и

надела летные очки. Мне казалось, что я никогда не делала этого раньше. Потом – этот танец, этот балетный прыжок, когда самолет оторвался от ухабистой земли и, как будто затаив дыхание, завис на мгновение перед тем, как начать подниматься вверх, вверх, вверх…

Это мгновение вернуло все ощущения, которые я испытывала во время первого полета с Чарльзом. Слезы полились по лицу, и я попыталась себя убедить, что это слезы счастья, а не горького разочарования.

Этот полет был короче, чем первый, – просто быстрый пролет над колледжем, во время которого я представляла, как все мои друзья носятся по зданию, как колония термитов. Когда мы приземлились, я почувствовала себя значительно лучше. Я вернула себе обратно сердце, так поспешно отданное Чарльзу Линдбергу, и надежно спрятала его. В один прекрасный день я буду в состоянии отдать его кому-нибудь еще. Тому, кто действительно этого захочет.

– Энн, Энн! Эй, Энн!

Я повернула голову и застыла на жестком сиденье; машинально выпрямилась, только теперь заметив, что все тело застыло, пальцы окоченели. Неизвестно, сколько я просидела, погруженная в свои мечты.

– Который час? – спросила я Бэйкон.

– Пять часов, – сказала она, теребя на шее нитку жемчуга, совсем как Клара Боу[12]; моя подруга из своих густых золотисто-каштановых волос даже сделала прическу, как эта кинозвезда, – здесь карточки.

И она бросила маленькую белую картонную коробку на мой стол.

– О, – я раскрыла коробку и вытащила карточку; на ней была кайма цвета нашего класса – лиловая, с печатью Смита «Образование – ключ к будущему».

– Ты можешь поверить, что мы уже почти бакалавры? Черт возьми, я вообще сомневалась, что закончу это заведение, ей-богу!

Бэйкон бросилась на свою узкую кровать, и пружины древнего матраса заскрипели, как старые ржавые дверные петли.

– Я тоже в этом сомневалась, – сказала я, – не думала, что ты сдашь французскую литературу!

– И не сдала бы, если бы не ты! Энн, как думаешь, ты в этом году получишь какие-нибудь награды? Бьюсь об заклад, тебя наградят за письменную работу!

– Ох, сомневаюсь. – Покусывая губу, я старалась не думать об этом. Меня попросили участвовать в состязании эссе на приз Элизабет Монтегю[13]и в состязаниях в поэзии и прозе на приз Мэри Августы Джордан. Но, конечно, я не выиграю.

– Я уверена, что известна только тем, что я дочь посла, – вслух подумала я, – другая дочь посла к тому же.

– Что? – Бэйкон оторвалась от последнего номера «Вэнити Фэр». – О чем ты говоришь, черт возьми?

– Ты знаешь. Ну, колледж и все такое. Но что будет потом, Бэйкон? Я не могу этого себе представить. Не могу представить, что я когда-нибудь чем-нибудь смогу прославиться, например… – Я прикусила язык как раз вовремя.

Я не хотела произносить его имя вслух. Возможно, в первый раз меня потянуло на подвиги более грандиозные, чем литературные призы и полномочия посла, эти положительные, респектабельные достижения, одобренные моими родителями.

– Кто об этом думает? – проговорила Бэйкон, возвращаясь к своему журналу.

---

[12] Клара Боу (1905–1965) – американская актриса, звезда немого кино и секс-символ 1920-х годов.

[13] Элизабет Монтегю (1718–1800) – английский социальный реформатор, покровительница искусств, владелица салона, литературный критик и писательница, одна из создательниц и лидер общества «Синий чулок».

– В том-то и дело! – вырвалось у меня, как будто разбуженной от спячки стройным, высоким юношей с голубыми глазами. – Никто! Никто даже не думает об этом, мы ведь такие… такие всем довольные! Но ради чего все это, зачем мы это делаем? Зачем стараемся так сильно? Что мы должны делать со всем этим – быть такими же, как наши матери, и все?

– Мы выйдем замуж. Вот для чего это все. Мы выйдем замуж за таких же умных, многообещающих молодых людей из Принстона, Корнелла, Гарварда или Йейля. Будем коллекционировать серебро и фарфор, начнем устраивать приемы – сначала скромные, сама понимаешь! Потом у нас появятся дети и более обширные дома, все больше серебра и фарфора и все более роскошные приемы. Наши мужья будут приходить домой каждый вечер в одно и то же время, и мы будем смотреть на их надоевшие лица за обеденным столом. Может быть, нам повезет, и время от времени они будут брать нас в Европу. Если нам не повезет, они станут политиками, и нам придется перебраться в Вашингтон. Мы будем играть в теннис и гольф и стараться держать себя в форме и душевном спокойствии.

– Звучит ужасно.

– Так оно и есть. А может, и не так. Я не отказалась бы от дома на Лонг-Айленд и счета у Тиффани!

– А как насчет любви? Как насчет страсти? Как насчет… большего?

Я швырнула карандаш в сердцах – драматический жест, который удивил нас обеих. Бэйкон подняла карандаш и подала его мне. Брови, подведенные, как у кинозвезд, поползли ко лбу от удивления.

– Что с тобой сегодня, Энн?

– Ну, не знаю, как тебе, но мне совсем не хочется быть одной из высохших матрон, которые по вечерам играют в бридж и со злыми лицами наблюдают за молодежью. Лично я хочу стать одной из тех удивительных старых леди, укутанных в шали, которые качаются в своих креслах с загадочными улыбками, вспоминая скандальные события своей молодости!

– Да что с тобой, Энн Морроу! – Зеленые глаза моей соседки округлились. – Ах ты, двуличное создание! Вот уж действительно – в тихом омуте черти водятся!

Я поежилась и покраснела, а Бэйкон вернулась к своему журналу, подавив смешок.

Постукивая карандашом по зубам и ожидая, пока моя кратковременно воспарившая душа вернется в свое обычное земное тело, я наблюдала за Бэйкон. Как бы ужасно ни звучал ее сценарий, она, по крайней мере, имела хоть какое-то представление о собственном будущем. В то время как я – если отложить в сторону фантазии насчет всяких там приключений – определенным планом похвастаться не могла. Я видела себя плывущей по течению, словно актриса в пьесе, вечно ждущая своей реплики.

После окончания университета все терялось в тумане. Были какие-то смутные мысли о «сочинительстве», но о чем, черт возьми, я собиралась писать? Ведь сначала надо набраться жизненного опыта, разве не так? Да, действительно, изредка сдавала в редакцию короткие эссе и стихи, причем многие из них – про небо, облака, пение ветра, написанные для «Смит Ревью», – получили похвальные отзывы. Но они казались мне пухом одуванчика, однодневками, недостаточно значительными, чтобы задержаться в человеческой памяти. Я сама уже не могла вспомнить половины из них.

И где мне заниматься этим так называемым сочинительством? У меня не было других планов, кроме приглашений от некоторых одногруппниц посетить их загородные летние дома, чтобы во время уик-энда играть в теннис или кататься на лодке. Что являлось еще одной причиной завидовать моей сестре. Два года назад, сразу же после того, как она закончила университет, Элизабет стала заниматься вполне реальным делом вместе с Конни Чилтон. С молчаливого благословения мамы и отца они без посторонней помощи собирались революционизировать начальное детское образование. Они уже планировали создать собственный детский сад.

Если, конечно, Элизабет не выйдет замуж. Что внезапно сделалось вполне реальной перспективой, о чем я не могла спокойно думать.

Охваченная порывом действовать, а не размышлять, я схватила авторучку.

Наскоро набросав несколько неразборчивых строк, я подписала мое первое выпускное приглашение с коротким текстом, потом положила его в конверт. Тут-то я поняла, что не имею представления об адресе, однако вспомнила – и сердце екнуло от радости, – что теперь мы выпускники университета. Единственное, что мне нужно сделать, – это снять телефонную трубку, и кто-то узнает для меня все, что нужно.

В этот момент я не могла не признать, что мое положение имеет свои бонусы.

Разумеется, он не пришел.

Во время выпускной церемонии, даже несмотря на то что мое имя было произнесено дважды как победительницы двух наград – Монтегю и Джордан, – единственным моим чувством было разочарование – инфантильное, эгоистическое разочарование. Что были для меня все эти награды, когда единственная, которую я желала больше всего, мне не досталась? Я оглядывала толпу, ища его долговязую, но пропорциональную фигуру, эти голубые глаза, которые врезались мне в память, но все было тщетно.

Вдобавок к этому, получив диплом и присоединившись к своему семейству, я узнала, что он недавно посетил наш дом в Инглвуде.

– Полковник Линдберг приехал по приглашению две недели назад, как раз после того, как мы вернулись из Мехико-Сити, – сказала мама после того, как обняла и поздравила меня. Она надела свою булавку выпускницы, так же как Элизабет и Конни, которые, как всегда, появились вместе.

– Он… он приезжал? – Я постаралась скрыть свою боль, сделав вид, что изучаю диплом.

– Да. Элизабет и Констанс, к счастью, оказались дома, так что смогли развлечь его.

– Ааа…

– Полковник был таким же говорливым, как всегда, – сказала Элизабет, послав Конни насмешливую улыбку, которую та вернула, сморщив свой курносый, покрытый веснушками носик.

– Никогда не встречала такого зануду, как он, – презрительно фыркнула Конни.

– О нет, он не зануда, просто он… осторожный, – сказала я, будучи сама такой же.

– Вот где моя девочка! – мелкими шажками к нам подбежал папа; до этого он был оттеснен толпой восторженной публики и парой газетчиков. – Мы так гордимся тобой, Энн!

– Да, ты просто молодец! – Мама снова прижала меня к себе.

Кон, моя маленькая сестренка, взяла два моих свидетельства с отличием и стала их изучать. Потом делано вздохнула.

– Удивительно! Еще одно достижение Морроу, до которого мне надо дотянуть!

– Жалко, что здесь нет Дуайта, – вырвалось у меня, и все с удивлением посмотрели на меня.

Само собой разумелось, что мы не должны были упоминать о недавних «сложностях», постигших моего брата. Но слова Кон напомнили мне, что имелся по крайней мере еще один Морроу, у которого существовали трудности в соблюдении семейных традиций.

У Дуайта появились галлюцинации. Суровые письма папы, призывающие его «собраться», не помогли; в конце концов мама поместила его в санаторий в Южной Каролине. Это была всего лишь временная мера, напомнила она нам, но совершенно необходимая.

При упоминании имени Дуайта наступила неловкая тишина. Мама вертела в руках перчатки, папа дергал галстук.

– Мы решили, что лучше ему остаться дома и набраться сил перед путешествием, – сказала мама, и взгляд ее стал стеклянным, что придавало ей какой-то странный, отсутствующий вид. Она произнесла это, отвернувшись от отца, который проявил внезапный интерес к пучку сырой травы, прилипшей к верху его белого ботинка. Кон и Элизабет тоже стояли, уставившись в землю, а Конни Чилтон отступила на несколько шагов, словно была не уверена, должна ли слушать подобные речи.

– Ты его слишком балуешь, – проворчал папа, не глядя на маму, и впервые за все эти годы я почувствовала трещину в их отношениях.

Невероятная близость моих родителей была такой же неотъемлемой частью моего детства, как любимый медвежонок Рузвельт, у которого недоставало одного глаза. Мои родители никогда не спорили и не перечили друг другу, они решали и говорили в унисон, и временами я чувствовала себя одинокой в их присутствии. Любимой – да, но иногда одинокой.

Но теперь…

– Я не балую его. Мальчик испытывает боль, – резко произнесла мама, и я впервые услышала, что она повышает голос на отца. Но потом она отвернулась, как будто стараясь взять себя в руки, а папа большими шагами направился к машине. Его лицо было красным, плечи опущены, так что костюм сидел на нем еще более мешковато, чем обычно. Кон смахнула со щеки несколько прозрачных слезинок и рысцой побежала вслед за отцом.

Я повернулась к Элизабет, чтобы увидеть ее реакцию; она сжала губы и поежилась, потом повернулась к своей подруге Конни Чилтон. Мне показалось, что та хочет что-то сказать, но Элизабет предупреждающе сжала ее руку.

Постояв несколько секунд, я последовала за мамой.

– Мы все делаем правильно, – прошептала я ей, – Дуайт нуждается в профессиональной помощи. Что я могу сделать? Мне неважно, что папа это не одобряет. Я хочу помочь.

– Девочка моя, – она благодарно улыбнулась, – ты иногда бываешь такой замечательной, такой спокойной и надежной. Не знаю, понимаешь ли ты, как сильно я полагаюсь на тебя.

Я отвернулась, чтобы не показать внезапных слез. Всю жизнь я мечтала, чтобы мама обратила внимание на меня, хотела выйти из тени Элизабет. И узнать, что это наконец произошло, было для меня лучшим подарком в день окончания университета, гораздо более драгоценным, чем любые награды.

– Вероятно, у тебя множество планов, – мамин голос приобрел свой обычный умиротворяющий тон, – но если бы ты смогла побыть в Инглвуде этим летом, чтобы присматривать за строительством нового дома, а не ехать с нами в Мехико-Сити, это была бы такая помощь, Энн. У Элизабет и Конни много планов, и мне было бы спокойнее знать, что ты находишься дома, да и Дуайт смог бы… в смысле если он соберется путешествовать, то наверняка сначала захочет побыть какое-то время дома. Как ты на это смотришь?

Я обрадовалась, когда она попросила меня об этом. У меня все еще не имелось никаких планов на лето. Следить за строительством, помогать брату в его трудном состоянии – все это было благословенной альтернативой сидению без дела, раздумьям и чтению газет, полных статей и фотографий о некоем полковнике Чарльзе Линдберге. И мыслям о том, чем, черт возьми, мне надо заниматься всю остальную жизнь.

– Конечно, я не против. Я ведь обещала тебе помочь, – сказала я и удивилась, увидев слезы на ее глазах. Незаметно смахнув их, она весело позвала Элизабет и Конни, которые шли, так тесно прижавшись друг к другу, что их головы, обе белокурые, почти соприкасались. – Эй, о чем это вы шепчетесь? Конни, не рассказывает ли тебе Элизабет секреты про полковника?

Элизабет и Конни отскочили друг от друга и засмеялись – слишком громко, как мне показалось. Как будто мама случайно задела кого-то за живое.

– Да, миссис Морроу, именно об этом мы и секретничали, – жизнерадостно произнесла Конни, сжав руку Элизабет.

И я не могла не заметить, что лицо Элизабет внезапно покраснело, глаза засияли, и она пожала руку Конни в ответ.

Мама с улыбкой повернулась ко мне, взяла мой диплом, прижала его к груди, и снова на ее глаза навернулись слезы.

Но потом взгляд прояснился и опять стал решительным.

– Энн, дорогая, я действительно очень горда за тебя, – сказала она с непривычной серьезностью, – ты ведь знаешь, я тоже пыталась получить награду Джордан, когда была выпускницей. Но мне это не удалось, а тебе – да.

Я улыбнулась, тронутая и обезоруженная ее признанием. Мама нечасто испытывала разочарование. Это было не в ее природе – вспоминать о прошлом. Теперь она менялась прямо на глазах. Может быть, виной тому была болезнь Дуайта – она заставила маму остановиться, задуматься и, возможно, обвинить в чем-то себя?

Или, может быть, на нее повлияло мое окончание университета; закончилась еще одна ступень детства, теперь моя последняя. Может быть, мама почувствовала, что стареет, становится более уязвимой. Сжимая мой университетский диплом, она словно хотела прижать к груди всех своих детей в последний раз перед тем, как мы разлетимся в разные стороны.

Что явилось причиной этого редкого приступа чувствительности, я ее не спрашивала. Вряд ли обретенная степень бакалавра давала мне право спрашивать о том, что творится в сердце моей мамы. Мне пока еще не нужна была такая осведомленность и та ответственность, которую мама на себя взвалила.

Мне не хотелось отпускать ее руку. Я чувствовала, что она нуждается в чьем-то надежном плече, чтобы опереться на него. Держась за руки, мы направились к ожидавшей нас машине.

– Дуайт, хочешь, на ужин приготовят что-нибудь особенное?

Я стояла в дверях студии; мой брат сидел за пустым отцовским столом и смотрел в окно. Мне не нравилось, когда он сидит вот так, в тишине, уставившись в одну точку. Но это было все же лучше, чем слушать странный, как будто принужденный смех, от которого я слишком часто вздрагивала в последние дни. С тех пор как я видела его на Рождество, что-то изменилось, хотя в основном он выглядел так же, как всегда. По-прежнему крепкий, коренастый, как футболист, с волосами неопределенного цвета – нечто среднее между моим темным и белокурым Элизабет. Он одевался так же, как и раньше, ухаживал за собой, по-прежнему болел за «Янки» и мог целый день рассуждать со мной о сравнительных достоинствах Лу Герига[14]по сравнению с Бейбом Рутом[15], если я имела хоть минимальное представление о том, кто они такие.

Но его заикание усилилось. И приступы этого странного, как будто подавляемого смеха одолевали его в самые неподходящие моменты – обычно когда он занимался со своим частным репетитором. Он слишком часто с угрюмым видом сидел, уставившись в окно. Иногда я просто подходила и трясла его, требовала, чтобы он немедленно перестал или хотя бы сказал мне, в чем дело. Однажды он проговорил, опустив голову: «Ужасно быть Дуайтом Морроу-младшим. Ты даже не представляешь, Энн. Для меня это чересчур».

Я действительно не представляла, но все с большим беспокойством начинала осознавать, что есть слишком много неведомых мне вещей. Теперь я была уже взрослой, имела право судить об этих первых трещинах на идеальной поверхности отношений в моем семей-

[14] Лу Гериг (1903–1941), прозванный за выносливость «железный конь» – знаменитый бейсболист.

[15] Бейб Рут (1895–1948) – профессиональный бейсболист.

стве и не могла не задаться вопросом, чего же еще я не понимаю в них. Мое детство казалось безоблачным, привилегированным, и не только благодаря стараниям родителей. Мы всегда были вместе, нас никто никогда не отправлял учиться в закрытые частные школы, как практиковалось в других преуспевающих семьях, хотя, конечно, няни и гувернантки у нас были. Детям внушали с самого раннего детства, что их родители посвятили свою жизнь более важным целям, чем следить за тем, вычищены ли у нас зубы и смазаны ли зеленкой содранные коленки.

Но мама обязательно читала нам вслух не менее часа в день, независимо от того, как сильно была занята. Даже будучи такими маленькими, что приходилось подкладывать на сиденье энциклопедии, чтобы возвышаться над обеденным столом, мы, дети, обедали вместе с родителями вечером и присутствовали при разговорах о политике и философии. Бывали пикники на свежем воздухе и летние месяцы, проведенные в Мэне, а также путешествия за границу, где папа читал нам Шекспира в Лондоне и Вольтера в Париже. Тем не менее нам никогда не позволялось кичиться своим богатством. Сколько у нас денег? Мне никогда не приходило в голову спрашивать об этом. Имелся некий запас, к которому мы могли прибегнуть, если в этом возникнет необходимость и если мы будем этого достойны. И почему-то всегда ожидалось, что мы достигнем каких-то высот. Может, это и послужило причиной проблем Дуайта; как от сына от него ожидали большего, чем от Элизабет, Кон или меня.

– Дуайт, я спросила, что ты хочешь на ужин, – повторила я свой достаточно безобидный вопрос.

В это время он смотрел на малиновку, прыгавшую по столу на террасе, как раз напротив окна студии. Сегодня он хотя бы отдернул портьеры, и комната казалась не такой мрачной и душной с этими темными панелями на стенах.

– Делай что хочешь, Энн.

– Не странно ли, что мы здесь только вдвоем? – Я села на стул с потертым кожаным сиденьем, взяла подушку и прижала ее к груди. – И как будто играем в хозяев дома. Неужели мы стали взрослыми?

– Лучше тебе поскорее привыкнуть к ведению домашнего хозяйства. Когда выйдешь замуж, это будет единственное, что тебе придется делать. К счастью.

– Ох, не говори так! Какое в этом счастье?

– Это все, что ты должна делать, Энни. Все, чего от тебя ожидают.

– Не думаю, что это большое счастье, – я прекрасно знала, что это правда; я уже получила пять приглашений на свадьбы моих только что закончивших университет подруг, – лично я не собираюсь выходить замуж.

Я вызывающе тряхнула головой.

– Что, никто тебя не достоин?

Я посмотрела на него и увидела слабый отблеск прежней насмешливой улыбки.

– Нет. Просто нет ни одного претендента. Я слишком редкий бриллиант для любого смертного мужчины.

– Ты всегда хотела выйти замуж за героя, Энн. Помнишь?

– Ох, Дуайт, это была обыкновенная болтовня маленькой девочки. Каждая маленькая девочка хочет выйти за героя. Как это глупо! Мне не получить предложение даже от молочника. Пойми, я вообще не хочу выходить замуж – таково мое решение. Предпочитаю оставаться независимой.

– Ты? Независимой? – Дуайт насмешливо свистнул, и только благодаря его странному, болезненному состоянию я не встала и не ушла, рассерженная и обиженная. – И кем же ты хочешь стать? Учительницей?

– Возможно, – мне не нравились подобные вопросы, слишком похожие на те, которые я задавала себе ночами, лежа одна в своей узкой девичьей постели, – во всяком случае, скорее Элизабет выйдет замуж за героя, чем я.

– Ты имеешь в виду полковника Линдберга?

Мое сердце екнуло, когда я подумала, как быстро и логично он соединил мою сестру с полковником, но кивнула.

– Ну что ж, по крайней мере папа будет рад, – Дуайт помрачнел, – помнишь, как он отчитал меня во время рождественской вечеринки, когда я нагрубил полковнику? Мне тогда здорово влетело.

Его лицо помрачнело, а глаза потускнели.

– Он любит тебя, ты же знаешь.

– Он с радостью заменил бы меня на полковника Линдберга.

– Нет, это неправда. Ты просто глупый.

– Да ну? Когда он в последний раз гордился мной? Когда?

– Когда, когда… Перестань, Дуайт! Сам знаешь, это было много раз!

– Назови хоть один.

Дуайт был совершенно спокоен. Раздражение исчезло. Его голос звучал ровно, лицо не меняло своих оттенков, как теперь бывало постоянно, и это испугало меня больше всего.

В тот момент я действительно не смогла вспомнить, когда папа в последний раз говорил, что гордится Дуайтом. Он твердил, что гордится мной и Элизабет, иногда по самым пустячным поводам: если мы хорошо выглядели или написали ему какое-нибудь особенно приятное письмо.

– Дуайт, не надо ловить меня на слове и немедленно требовать привести пример! Господи, да я не помню, что ела сегодня на завтрак! Но я точно знаю, что ты не прав. Папа любит тебя. Мы все тебя любим.

– Ну да, ты меня любишь, но какое это имеет значение? Ведь ты всего лишь женщина.

– Всего лишь женщина? Дуайт Морроу-младший, стыдно говорить такие вещи!

– Ты прекрасно понимаешь, что я имею в виду. Это действительно не имеет значения – когда-нибудь ты упорхнешь и выйдешь замуж за своего героя, и тогда у тебя не останется времени для меня. Так же, как у мамы и отца.

– Ты знаешь, что они с удовольствием приехали бы сюда, но не могут, потому что должны оставаться в Мехико-Сити.

– Как не знать! «Дуайт, ты должен помнить, у нас теперь есть обязанности и обязательства».

Я невольно рассмеялась. Голос моего брата так точно передал папин возбужденный задыхающийся баритон.

– «И у тебя есть обязанности, – продолжал Дуайт, – у твоих сестер есть обязанности. Помни, молодой человек, что образование…»

– «Учеба, учеба», – прервала его я, но внезапно зазвонил телефон на столе у папы, заставив нас замолчать.

Мы оба виновато переглянулись. Неужели папа каким-то образом умудрился услышать нас, хотя находился в Мексике? Думаю, никто бы из нас не удивился, если бы это произошло.

Первым пришел в себя Дуайт. Он поднял трубку и наклонился к телефону.

– Алло, резиденция Морроу, – проговорил он тем же уверенным резким голосом с отцовскими интонациями. Я снова хихикнула, и Дуайт наградил меня озорной улыбкой. Потом мой брат внезапно покраснел, выпрямился в кресле и проговорил: – Мисс Морроу? Нет, ее нет дома. А, вы уверены? Да, она здесь, – и резким движением протянул мне трубку, – это твой герой, Энни.

– Ну, конечно, – я показала ему язык, наслаждаясь этой игрой и желая продолжать ее как можно дольше, и наклонилась вперед с преувеличенным вздохом, – это, вероятно, тот самый молочник.

Плавной походкой я направилась к столу, взяла трубку и прошептала в нее глубоким, чарующим голосом:

– Хеллоу, это Энн Морроу. Это вы, мой герой?

Наступила пауза. Атмосферные помехи и потрескивания проникли в мое ухо. Потом послышался резкий голос:

– Мисс Морроу? Это говорит Линдберг. Чарльз Линдберг.

Мне захотелось бросить трубку и изо всех сил стукнуть своего брата, который трясся в кресле от приступа подавляемого смеха.

– Это… вы?

– Да. Извините, я, наверное, не вовремя?

– Нет… нет! Мой брат… Дуайт – вы встречались с ним, – помните? Он просто дразнил меня. Извините, я имела в виду… Нет, я действительно рада, что вы позвонили. Очень рада. Это… погодите… это Энн Морроу. Не Элизабет. Я – Энн.

– Да, я знаю. Мне сказали, что вы будете сегодня дома. Я звонил вчера, но вы отсутствовали.

– Вы звонили? – Мои колени так дрожали, что пришлось сесть на край стола; Джо, секретарша моей мамы, сказала, что он звонил. Но она сказала, что он звонил Элизабет, а не мне.

Наконец до Дуайта кое-что дошло, он встал и вышел из комнаты, оставив меня одну, причем его глаза по-прежнему весело сверкали. На мгновение забыв о его болезни, я показал ему язык, как сделала бы каждая старшая сестра.

– Мисс Морроу? Вы здесь?

– Да! О да, я здесь!

– Мне очень жаль, что я не смог прибыть на ваш выпускной вечер. С вашей стороны было очень мило пригласить меня. Но я побоялся, что если приеду туда, то вызову переполох, и это не понравится ни вам, ни вашим родным.

– О, вы очень прозорливы, – проговорила я, причем мой язык на полсекунды отставал от моих мыслей.

Наступила пауза. Я слышала его дыхание.

– Значит, вы проведете это лето дома? – в его голосе послышалась нерешительность, как в звуках прогревающегося мотора.

– Да. Я должна заботиться… я буду здесь вместе с братом. Мама и папа вернулись в Мексику.

– Причина, по которой я звоню, – проговорил он поспешно, как будто сожалея о своем звонке, – я хотел спросить вас, не согласитесь ли вы снова отправиться в полет? Я обещал, что еще раз прокачу вас на самолете. Не знаю, помните ли вы это. Но я не нарушаю своих обещаний.

– О! Да, я помню, конечно. – Зажав трубку между щекой и шеей, я крепко ухватилась за край папиного стола из красного дерева, радуясь, что он такой массивный, иначе я взлетела бы до потолка.

– Значит, решено. Я позвоню вам завтра в десять часов утра, если у вас нет других планов.

Конечно, у меня не было других планов. Даже если мама попросила бы меня развлечь короля Англии, я бы отказалась! Но потом, представив, как ответила бы на это предложение Элизабет, я заставила себя небрежно произнести:

– Полагаю, я смогу что-нибудь придумать.

– Нет, если у вас возникнут неудобства…

– О нет! Никаких неудобств! По правде говоря, я ни о чем не мечтаю больше, чем об этом, если у вас действительно есть время.

– Я же сказал, что есть. Значит, в десять часов?

– Хорошо.

– Ну, тогда до свидания, – проговорил Чарльз Линдберг каким-то тусклым, сдавленным голосом и дал отбой.

Я стояла, прижав трубку к уху, а микрофон ко рту, по крайней мере минуту – вполне достаточное время, чтобы Дуайт, тихо постучав в дверь, засунул в комнату свою лохматую голову – ему явно срочно требовалось сходить к парикмахеру.

– Это действительно был полковник Линдберг?

– Похоже, что так.

В оцепенении я положила трубку на рычаг аппарата.

– Кто ему нужен?

– Я.

– Ты? А я думал, он интересуется Элизабет.

– Нет, он действительно хотел поговорить со мной. Дело в том, что он мне просто кое-что обещал. Вот и все.

– Что обещал?

– Он обещал снова взять меня в полет. Он заедет за мной завтра в десять утра.

– В десять утра? Ты уверена, что он имел в виду именно тебя?

– Уверена.

Сколько раз мне надо было повторить, чтобы мы оба поверили в это?

– Гмммм, – Дуайт почесал голову, потом погладил свой живот, – Энни, я есть хочу. Что ты закажешь повару на обед?

– Обед? – Я уставилась на него.

– Ну, ты же только что сказала…

– Пойди на кухню и попроси, чтобы тебе приготовили сэндвич, – я наконец отклеилась от стола, – я не могу тебе помочь, мне надо переодеться!

– Но ведь он приедет только завтра утром!

– Я знаю! У меня почти нет времени!

Я оставила Дуайта стоящим в дверях, все еще чешущим затылок и произносящим сакраментальное:

– Ох уж эти женщины!

– Зато эти мужчины! – бросила я через плечо, уже мысленно роясь в своем платяном шкафу.

По дороге в свою комнату я остановилась и покачала головой, удивляясь своему брату. Как, черт возьми, он мог думать о еде в такой момент?

– Доброе утро, – сказала я, открыв дверь.

Потом подняла голову. Передо мной стоял Чарльз Линдберг, закрывая собой яркое утреннее солнце, светившее в окно. Я и забыла, какой он высокий.

Он изменился. Больше он не выглядел как мальчик. Слегка усталый взгляд пронизывающих голубых глаз, штатская одежда, в которой он, казалось, чувствовал себя гораздо естественнее – твидовые брюки, белая рубашка и галстук, хотя в руках – та самая изрядно потрепанная летная кожаная куртка. Но вместо летного шлема на нем была респектабельная мягкая шляпа, совершенно такая же, какие так любят носить банкиры, включая моего отца.

Из нагрудного кармашка выглядывали солнечные очки – он надел их, когда мы шли к машине.

– Боюсь, что это немного странно, – сказал он, открывая передо мной дверцу.

Когда я села, он обошел машину и вскочил на сиденье шофера, после чего глубже надвинул шляпу.

– Что?

– Эта маскировка, – он жестом указал на свои очки, – иногда мне удается одурачить прессу, если они не сели мне на хвост. Но сегодня не думаю, что им это удалось. В ту минуту, как они увидят нас вместе, они объявят о нашей помолвке. За последнее время я был помолвлен со множеством женщин.

Внезапно он сообразил, что сказал что-то не то, и его рука, готовая включить зажигание, замерла на месте.

– Я не имел в виду…

– Все нормально, – проговорила я поспешно, – я поняла.

Он кивнул, завел машину, и мы с ревом понеслись по кольцевой дороге, ведущей к частному шоссе, которое выводило нас на главный путь. Мы ехали в новом «Форде» кремового цвета с открытым верхом. Я натянула глубже свою шляпку, придерживая ее рукой и молясь, чтобы ее не унесло ветром. Каким-то загадочным образом его шляпа сидела на голове как приклеенная.

К моему удивлению, он ехал на довольно умеренной скорости. Для человека, который так любит летать, на земле он казался осторожным и осмотрительным, постоянно оглядывался через плечо, наблюдая за ехавшими сзади машинами. Кроме того, во время движения он не разговаривал. После нескольких минут полной тишины я почувствовала себя такой же лишней, как и маленький зеленый паучок, случайно заползший на ветровое стекло. И поэтому все время, пока мы двигались по городу, и потом, когда выехали на Лонг-Айленд и помчались по совершенно неизвестной мне дороге, я спрашивала себя: не ошибся ли он, пригласив не ту сестру Морроу. Прошло полчаса, потом сорок пять минут, но он по-прежнему не произнес ни одного слова, даже не смотрел в мою сторону. Мы не виделись несколько месяцев, но он явно не чувствовал особого желания поговорить со мной. Поэтому из чувства протеста я тоже закрыла свой рот на замок.

Я посмотрела на свои ручные часики, потом на неподвижное лицо рядом со мной. Его глаза были скрыты круглыми очками с дымчатыми стеклами, на лоб надвинута шляпа-неслезайка.

Он не только молчал, но и не выражал никакого желания слушать. Так что я предалась созерцанию, наслаждаясь прекрасным летним днем и полнотой бытия рядом с ним. Только единожды я нарушила молчание; это произошло, когда мы ехали по узкой дороге, с обеих сторон окаймленной молодыми березами.

– Смотрите, они как будто кланяются нам! – Я не смогла сдержать смеха, указывая на верхушки деревьев, словно танцующих перед нами и кланяющихся от утреннего ветерка. Чарльз кивнул, но продолжал смотреть на дорогу, и я вновь замолчала, смущенная своей неуместной восторженностью.

Наконец мы свернули на длинную дорожку, покрытую гравием, которая вела к открытому полю. Я увидела два стоящих самолета. Вдали возвышался огромный белый дом во франко-нормандском стиле, окруженный хозяйственными постройками.

Чарльз затормозил, двигатель зафыркал, потом замолчал. Он повернулся ко мне.

– Ну что же, это было очень приятно, – сказал он с неожиданной улыбкой, и я невольно рассмеялась.

– Вы любите водить машину? – Я потрогала рукой кожаную обивку, во время пути покрывшуюся пылью.

Это был, несомненно, прекрасный автомобиль.

– Боюсь, что да. У меня раньше был мотоцикл, тогда я демонстрировал перед публикой фигуры высшего пилотажа. Это была необыкновенная маленькая машинка, но я продал его, чтобы заплатить за мой первый самолет по имени Дженни.

– Вы все свои средства передвижения называете человеческими именами?

– Я? О нет! «Дженни» – это некое подобие самолета, излишки военного имущества. Его использовали за границей, а потом переоборудовали для других целей. Я возил на нем почту.

– А-а.

– Во всяком случае, – он снял солнечные очки и шляпу и погрузил руку в свои пшеничного цвета волосы, – так сложилось.

– А где мы находимся?

– У моих друзей есть частное летное поле. До сих пор никто из репортеров про него не разнюхал.

– Понятно. – Я увидела полоску воды узкого залива, блестевшую вдалеке под густой листвой небольшой рощи. – Здесь красиво.

– Да. Гуггенхаймы мне помогали во всем, – он неопределенно махнул рукой, и я поняла, что он имеет в виду все то, что происходило с ним после. После перелета через Атлантику, – Гарри разрешает мне пользоваться его самолетами; я заказал совсем новый. «Дух Сент-Луиса» уже поставлен на консервацию.

Я услышала нотку горечи в его голосе, как будто у маленького мальчика отобрали любимую игрушку.

Потом он кашлянул и выбрался из машины.

– Сегодня хороший день для полета, – проговорил он, взглянув на небо, вышел из машины, обогнул ее и открыл передо мной дверцу.

Потом широким шагом направился к двум серебряного цвета самолетам, сверкавшим на солнце. Я поспешила за ним. Ради меня он не стал замедлять шаг, и снова мне пришлось пуститься вприпрыжку, чтобы поспеть за ним.

– Вы больше не поднимались в небо со времени нашего полета? – Мы добрались до ближайшего самолета – закрытого моноплана, у которого размах крыльев был больше, чем у второго самолета. Он был уже развернут в направлении взлетной полосы.

– Нет, – и внезапно я вспомнила, что летала. Как я могла об этом забыть? Может, это не считалось, потому что было без него? Или потому, что я чувствовала себя предательницей, летая с кем-нибудь другим?

– Здесь вам будет более комфортно, чем в прошлый раз. Мы скоро начнем использовать самолеты этого типа для долгосрочного пассажирского перелета. Такие, только еще больше. Вам не надо надевать летные очки.

Он открыл передо мной маленькую дверцу и помог взобраться в кабину. Внутри было ужасно жарко – просто как в печке, оттого что кабина нагрелась на солнце. Так что я сняла свой жакет, радуясь, что надела под него хлопчатобумажную блузку с короткими рукавами. Необходимости в бриджах не было, поскольку имелись четыре плетеных стула, прикрепленные к полу – два спереди, два сзади, с мягкими сиденьями. Я заняла свое место на переднем пассажирском месте так же непринужденно, как будто находилась на званом чаепитии.

Чарльз забрался на место пилота и бросил быстрый взгляд на панель управления, нажав там несколько кнопок, а также несколько педалей и рычагов на полу. Потом протянул мне палочку жвачки, ужасной мятной жвачки, но я приняла ее с благодарностью и сразу же начала жевать. Он завел мотор, который тут же стал фыркать и чихать. Одновременно начал крутиться пропеллер. На этот раз он был установлен дальше, чем во время первого полета, когда я чувствовала на лице порывы ветра. В закрытой кабине я могла видеть только то, что

творится впереди, и частично то, что сбоку. Рев мотора был заглушенным, хотя достаточно громким.

– Поехали, – проговорил Чарльз и плавно потянул за рычаг управления. Самолет побежал по взлетному полю, постепенно набирая скорость, и я вновь почувствовала резкий скачок, потом ветер подхватил нас и стал поднимать все выше, выше, выше.

В то самое мгновение, когда мы оторвались от земли, я заметила, что Чарльз выглянул в окно со своей стороны, очень внимательно осмотрелся вокруг, потом выглянул снова. Его пальцы сжали рычаг, и он что-то тихо пробормотал.

– Что? – спросила я, изо всех сил стараясь не завопить от радости, когда мы взлетели так близко от верхушек сосен, что они чуть не оцарапали днище самолета.

Чарльз не ответил, и я, пожав плечами, продолжала наслаждаться видом. Залив с белоснежными птицами-парусниками, красивые большие здания, которые я узнала, – это были дома папиных приятелей-банкиров, яркая зелень, волнующаяся под крылом. Самолет раскачивался и дергался, набирая высоту, заставляя мой желудок совершать собственные эскапады, но потом выровнялся, и мое сердце воспарило вслед за ним. Опасения по поводу Дуайта, сомнения и страхи перед грядущим, терзания насчет моего назначения в жизни – все куда-то исчезло. В душе воцарились свет и ясность; вытянув руки и ноги, я нежилась в лучах теплого солнца. Потом повернулась к своему компаньону. Но вместо беззаботной улыбки, которую я ожидала увидеть, я увидела застывшую маску. Рот Чарльза превратился в тонкую линию, а красивые голубые глаза сузились в стальном напряжении.

– Мы потеряли колесо, – крикнул он сквозь пульсирующее гуденье двигателя, и я поняла, что приятная беседа откладывается на неопределенный срок.

– Когда? – крикнула я.

– При взлете. Я почувствовал – что-то не так. Оно осталось на земле.

– И что? Мы ведь находимся в воздухе, зачем нам колеса?

– Приземление. Будут проблемы. – Это все, что он сказал.

Потом нажал несколько кнопок на панели, пробормотал что-то, похожее на сложную математическую формулу, и кивнул сам себе.

Я хотела задать ему еще вопросы, но перекрикивать шум мотора показалось глупым.

– Очень шумно, – сказала я, показывая на свои уши.

Чарльз кивнул.

– Некоторые пользуются ватой – засовывают ее в уши. Я не пользуюсь. Пропадает чувство полета.

Я кивнула, с трудом поняв, что он сказал.

Некоторое время мы летели молча. Потом он снова повернулся ко мне. На лице его была напряженность, лоб пересекали тревожные складки, как будто он о чем-то напряженно размышлял.

– Нам придется полетать некоторое время, чтобы сжечь топливо. Тогда приземляться будет безопаснее! – крикнул он. – У вас нет других планов на сегодня? Я вас ни от чего не отвлекаю?

Меня рассмешил его последний вопрос. Казалось, он больше беспокоится насчет моих повседневных дел, чем о самолете! Я рассмеялась, приведя его этим в недоумение.

– Нет!

– Прекрасно, – сказал он, и его глаза расширились, а улыбка стала явственнее, – хотя это означает, что вы не отделаетесь от меня еще некоторое время.

– Не могу подумать ни о ком другом, от которого я больше не хотела отделываться, – ответила я.

И это было правдой. Кого еще я хотела бы видеть рядом с собой в подобной ситуации? Никого.

Боялась ли я? Странно, но страх совершенно отсутствовал. Я была так уверена в Чарльзе; мы летели вперед и вперед, от неослабевающего шума мотора немного болела голова, но больше меня ничего не беспокоило. Я совершенно забыла про «проблемное» приземление, которое нас ожидало. Наоборот, я была почти благодарна сложившейся ситуации. На долгие часы мы с ним остались в небе наедине. Мы вместе переживаем нечто необычное, и это связывает нас друг с другом. Я жадно упивалась ситуацией, совершенно забыв об опасности.

– Возьмите рычаг, – внезапно приказал он, и в глазах его появился озорной огонек.

– Что?

– Возьмите рычаг управления.

– Я… я не могу.

– Почему? Вы ведь хотите научиться?

Почему он так решил, я не знала, но, как только он произнес это вслух, я поняла, что он прав. Наконец-то я могла чем-то заняться. Прямо сейчас, до того как смогу все обдумать и проанализировать.

– Просто летите, – крикнул Чарльз, – и не бойтесь. Вы сможете.

Я наклонилась вперед, вытянув левую руку. Его рука все еще сжимала рычаг, и какое-то время обе наши руки управляли полетом. И хотя мы даже не смотрели друг на друга, я почувствовала разряд, прошедший сквозь меня, и уверена, что он почувствовал то же самое. Его дыхание участилось.

Потом он убрал руку. Теперь я сама вела самолет. Сначала плавно, потому что все еще думала о его руке, касающейся моей, и не беспокоилась о том, что я делаю в реальности. Потом до меня дошло, что я на самом деле управляю самолетом! – и я изо всех сил ухватилась за рычаг управления, что заставило его резко дернуться вправо. То же самое проделал и самолет. Он начал наклоняться, все мое тело покрылось холодным потом, рука задрожала, я попыталась выровнять самолет, после чего он сделал резкий крен в другую сторону.

Чарльз не издал ни звука. Он по-прежнему сидел, сложив на груди руки, позволяя мне самой искать выход, почему-то уверенный, что я смогу это сделать. И, в конце концов, хотя руки все еще дрожали, сердце забилось ровнее, и я успокоилась. Я смогла выправить самолет, ощущая, что он борется со мной, как лошадь, и вспомнила, как чувствительны лошади к удилам. Это понимание в конечном итоге и научило меня летать. Как будто в руках у меня вместо штурвала были поводья и я управляла лошадью. Даже преодолевать маленькие воздушные ямы, которые нам попадались, казалось не более трудным, чем прыгать на лошади через препятствия.

Не знаю, как долго я управляла самолетом. У меня заболело плечо, и Чарльз, щелкнув выключателем на приборной доске, посмотрел на свои часы и кивнул головой.

– Теперь поведу я. Мы садимся.

– О. – Я отпустила рычаг после того, как он взялся за него.

Тоном, не допускающим возражений, Чарльз велел мне взять подушки с двух задних сидений и обложиться ими, что я и сделала.

– Я посажу нас вон там, – он указал на поле с более длинной взлетно-посадочной полосой, чем то, с которого мы взлетели, – нам нужно дополнительное пространство.

– Хорошо.

Я была спокойна. Он тоже. Воздух внутри самолета внезапно обрел вес, вдавливая меня в сиденье, и наши голоса зазвучали глухо у меня в ушах. Мне все еще не было страшно. Я доверяла Чарльзу Линдбергу, мужчине, который покорил небо, и не сомневалась, что он сможет вернуть меня обратно на землю в целости и сохранности.

Мы сделали над взлетной полосой несколько кругов, спускаясь все ниже и ниже. Несколько человек выбежали из соседнего здания, чтобы посмотреть на нас. Они махали нам, и я помахала в ответ.

– Они делают нам знаки, чтобы мы не приземлялись, – на лице Чарльза застыла жесткая усмешка, – заметили, что у нас нет колеса.

– Их ожидает интересное зрелище! – Я продолжала махать фигурам, которые бешено прыгали внизу.

– Соберитесь, и, как только мы остановимся, немедленно расстегните ремень, и выскакивайте из самолета. Если дверь не будет поддаваться, выбивайте окно и вылезайте наружу. Потом бегите как можно дальше от самолета. Можете это сделать для меня?

Его последние слова лишили меня спокойствия. Они проникли куда-то внутрь, под ребра, и я кивнула, крепче ухватившись за подлокотники. Земля стремительно приближалась, и я инстинктивно вдавила голову в плечи, чувствуя, но не видя, как самолет коснулся земли. Какое-то мгновение мне казалось, что все прошло успешно, но потом я услышала, как что-то треснуло внизу под нами.

– Колесо, – проговорила я, а может, Чарльз. Это было единственное слово, которое произнес один из нас или мы оба.

А потом все перевернулось вверх ногами.

Когда самолет остановился, я все еще находилась вверх тормашками, потом перевернулась обратно. Я услышала треск и звук рвущейся материи. Вспомнив его слова, я протиснулась в иллюминатор, вылезла наружу, спрыгнула вниз и побежала, как велел Чарльз, прочь от самолета, который лежал вверх колесами, и пропеллер все еще вращался, как детский флюгер.

Наконец я остановилась, и мой бок пронзила боль. Но я знала, что это только потому, что я запыхалась. Мы сделали это! Я сделала то, о чем он меня попросил, и со мной все в порядке, с ним все в порядке…

Но так ли это? Где он? В панике я оглянулась вокруг. Поблизости были люди – те самые, которым я только что махала так беспечно, и они спешили ко мне. У фермеров были вилы, совсем как в кино, но Чарльза я нигде не видела. Я позвала его по имени, не услышала ответа и побежала обратно к самолету, но вдруг почувствовала, что кто-то сжал мою руку и потянул назад. Я оглянулась – это был он. Растрепанный, на щеке кровоточащая царапина и широкая улыбка на лице. Глупо улыбаясь, мы смотрели друг на друга, пока нас не окружила толпа. Люди толкали нас, спрашивали, все ли с нами в порядке. Чарльз вздрогнул и отошел от меня. Только теперь я заметила, что он поддерживал правой рукой свой левый локоть.

– Вы ранены? – спросила я, испытывая желание дотронуться до него, но непонятная сила не давала мне ступить ни шагу.

– Думаю, я немного ушибся, – на лице появилась гримаса боли, – но это пустяк.

– Вам надо немедленно ехать к доктору, – начала я, но была прервана криками: «Это он! Чарльз Линдберг собственной персоной! Счастливчик Линди!»

И вскоре большая толпа людей устремилась к нам. Откуда они взялись, я не знала. Все хотели потрогать его, потрясти, спросить, все ли с ним в порядке. Несколько человек направились к самолету, но Чарльз резким, грубым голосом крикнул им, чтобы они не приближались. Кто-то заметил и меня и стал спрашивать мое имя.

– Мисс Морроу, – твердила я в оцепенении. У меня не было ни царапины, одежда не была порвана – и вскоре они снова обратились к Чарльзу, который пытался организовать несколько человек, чтобы помочь перевернуть самолет.

– Как мы доберемся домой? – крикнула я сквозь шум и суматоху, ухватив его за рукав здоровой руки. Начинало темнеть, и я внезапно вспомнила про брата. Дуайт начнет беспокоиться, если я не вернусь домой к ужину.

– Я позвоню Гарри, – прокричал Чарльз в ответ, – он приедет и заберет нас. Надеюсь, что в его доме на ферме есть телефон.

Наконец я пробралась сквозь толпу и села на пень, стоявший так удобно, как будто кто-то спилил это дерево прямо для меня. Никто меня не беспокоил, и я почувствовала себя странно обособленной от всего происходящего. Самолет, все еще перевернутый вверх дном, лежал как черепаха на спине и казался каким-то огромным непонятным чудовищем. Единственное, от чего я не могла отвести глаз, была стройная фигура Чарльза, который поспешно двигался вокруг самолета, давая указания. Временами он останавливался и смотрел в мою сторону, и на лице его выражалось беспокойство, как будто он боялся потерять меня. Тогда мое сердце совершало скачок, как в то мгновение, когда я впервые поднялась в воздух.

Через некоторое время меня начало клонить в сон. Вероятно, я даже заснула, но почувствовала, как кто-то тормошит меня за плечо.

– Мисс Морроу, мисс Морроу!

Я открыла глаза, зевнула и, взглянув вверх, увидела некрасивого мужчину примерно на десять лет старше Чарльза. У него были гладко зачесанные назад волосы, как у банкира, и искренняя улыбка летчика.

– Пойдемте со мной, – сказал он, и я послушно подчинилась, поскольку внезапно появился Чарльз, который тоже последовал за ним. Мужчина довел нас до сверкающей черной машины, представившись мне как Гарри Гуггенхайм.

– Вы из тех Гуггенхаймов, которые занимаются горным делом? – Я подавила зевок.

– Да. Я знаком с вашим отцом.

– О.

Когда мы удалялись от летного поля, все фермеры и их родственники махали нам на прощание так сердечно, как будто мы только что побывали у них в гостях. Чарльз соорудил из своего шарфа повязку и не показывал вида, что ему больно. Сидя на переднем сиденье, он весело рассказывал Гарри наши приключения, а я сидела сзади. Я поймала свое отражение в оконном стекле и улыбнулась. Гарри Гуггенхайм увидел это и тоже расплылся в улыбке.

– Мне очень приятно было познакомиться с вами, мисс Морроу, – проговорил он, когда мы подъехали к его поместью, где стоял автомобиль Чарльза, «Форд Родстер» кремового цвета, – надеюсь, что мы встретимся снова при менее экстремальных обстоятельствах.

– Я тоже на это надеюсь.

Чарльз распахнул передо мной дверь, и я вышла из машины.

– Прости, что так получилось с самолетом, Гарри, – проговорил Чарльз, хотя в его голосе я не услышала никакого сожаления, – я его починю.

– Не волнуйся, старина. Я рад, что с тобой все в порядке.

И они оба пожали друг другу руки с неподдельной искренностью.

В полной тишине мы с Чарльзом уселись в его машину и так же молча пустились в путь в сгущающейся темноте. Он включил фары и поехал – каким-то образом ему удавалось переключать передачи и вести машину одной рукой – еще более спокойно и хладнокровно, чем раньше; никто из нас явно не спешил добраться до места назначения.

Постепенно мы разговорились. Впервые это действительно было похоже на настоящий разговор. Адреналин все еще бродил в нашей крови, превратив двух стеснительных людей в болтливых сорок.

Чарльз делился со мной надеждами на будущее авиации; своим чувством долга обеспечить это будущее, убедить простых американцев, что летать теперь не более опасно, чем ездить в автомобиле, может быть, даже безопаснее.

Он также рассказал мне о полетах, которые планировал совершить; он мечтал проложить самые короткие маршруты не только между городами, но и между континентами.

– Вы можете вообразить перелет в Австралию, который займет меньше недели? – в ответ я могла только удивленно покачать головой.

– Я люблю путешествовать по морю и океану, – призналась я, – это очень успокаивает.

– Согласен. После приземления в Париже лучше всего мне спалось на судне, на котором я плыл домой. Они не позволили мне лететь обратно на самолете, хотя я хотел это сделать. Тогда я впервые понял, что моя жизнь принадлежит не только мне.

– Не могу представить этого чувства.

– Безусловно, это было необычно. Я никогда не думал об этом аспекте моих поступков. Я все время был сосредоточен только на полете. И первоначально единственное, о чем я думал, – это доброта и участие множества людей – моих спонсоров, а также моих помощников, конструкторов и механиков, которые построили самолет. Но почти сразу же после приземления я понял еще одну вещь – появилось ужасное сознание того, что теперь меня никогда больше не оставят в покое. Люди всегда хотят от меня того, чего я не могу им дать. Ведь я всего лишь перелетел через океан.

– Как вы узнали, что сможете это сделать – долететь до Парижа? Когда так много ваших предшественников потерпело неудачу, откуда вы знали?

Он кивнул, очень серьезно.

– Я произвел расчеты. На самом деле я никогда не рискую без необходимости. Обратите внимание: никто никогда не думал о том, чтобы лететь в одиночку, – все считали, что это занятие для двух пилотов, из-за длительности перелета. Но я понял, что если лететь одному, то можно взять гораздо больше топлива и получить больше шансов, даже если собьешься с курса. К тому же я лучший летчик из ныне живущих, я это знаю.

Его уверенность в себе была так очевидна, но выражена так скромно и с таким достоинством, что я могла лишь восхищаться ею. В отличие от людей, которые нуждались в поощрении, он не говорил громко, ничего не преувеличивал. Он просто был.

– Вы полетели бы через океан, если бы знали, что за этим последует – все это внимание, шум в прессе?

– Да. Это слишком важная задача, ее надо было осуществить. К тому же я все еще надеюсь, что они оставят меня в покое.

– Кто «они»?

– Да все: пресса, публика, старые школьные приятели, всякие назойливые незнакомцы. Дельцы, которые налепили мое имя на все, начиная от курток и кончая песнями и танцами.

Я покраснела, радуясь, что наступившая темнота скрывает мое лицо. Еще недавно в колледже я старательно разучивала танец под названием «Линди Хоп».

– Даже киношники, – возбужденно продолжал Чарльз, и мне показалось, что он почти благодарен, что есть слушатель, которому он может все это высказать, – Уильям Рэндольф Хёрст[16]предложил мне миллион долларов за то, чтобы я сыграл себя в художественном фильме или хотя бы появился в кадре, но я отказался. Когда я сказал «нет», он не поверил, сказал, что каждый имеет свою цену. Но у меня нет цены. И он все продолжает осаждать меня предложениями – меня теперь все одолевают просьбами.

– Но вы не можете тратить на них свою жизнь.

– Свою жизнь я могу тратить только на себя. Забавно, но я действительно чувствую бремя ответственности. Слишком много людей обращает на меня свои взоры.

В замешательстве я отвела взгляд от дороги. Хотя было темно, я пыталась по глазам Чарльза прочитать, что у него внутри. Они больше не сверкали. Теперь его уверенность граничила с высокомерием. Видя сухую тонкую линию его рта, стальной взгляд и уверенную руку на рулевом колесе, я впервые почувствовала темную сторону славы.

---

[16] Уильям Рэндольф Хёрст (1863–1951) – американский медиамагнат, ведущий газетный издатель.

– Ну да, теперь все пользуются своим влиянием. Но вы ведь знаете, что «власть развращает, а абсолютная власть развращает абсолютно» – так говорят.

– Что? Что это за высказывание такое?

– Это больше всего любит цитировать лорд Эктон[17]. Вы не слышали? Впрочем, это неважно.

Я запнулась, заметив, как застыло его лицо, и поняла, что после его трансатлантического перелета не так уж много людей осмеливалось возражать ему или поучать его.

Однако я не могла забыть те долгие месяцы, когда он не удосужился написать мне хотя бы пару строк, поэтому выпалила:

– Я считаю – опасно признавать, что все на вас смотрят, даже если так оно и есть. Не обязательно придавать этому такое большое значение. Это может изменить человека, знаете. Сделать его более жестким.

– Вы так думаете?

– Да.

– Думаете, я жесткий?

– Ну, не совсем.

Я не жалела, что обидела его. Он спросил мое мнение, и я его высказала.

Некоторое время мы оба молчали. Потом он что-то пробормотал и кивнул, внимательно взглянув на меня. Дальше мы опять ехали в молчании.

– Боюсь, что я один говорил все время, – наконец вырвалось у него, и я втайне обрадовалась, что он первым почувствовал необходимость прервать молчание. Я доказала ему, что мы на равных, хотя бы в упрямстве. По сравнению с другими молодыми людьми, которых я знала, он почти ничего не рассказал о себе. Я не узнала ничего ни о его семье, ни о детстве, словно он начал жить только после перелета через Атлантику. Но, вероятно, так оно и было – непрестанный шум в прессе, сходящая с ума публика, кинохроника, манифестации и чествования. Теперь все это стало частью его жизни, с которой он – с радостью или без – должен был смириться.

– Не беспокойтесь, – уверила я его, – мне все очень понравилось. Весь этот день, даже отвалившееся колесо.

– Немногие женщины сказали бы это, – он одобрительно улыбнулся, и я выпрямилась на сиденье, чувствуя себя гораздо выше своих пяти футов, – расскажите мне что-нибудь о себе, Энн. Чем вы собираетесь заниматься?

– Это сложный вопрос.

– Да нет, это простой вопрос на самом деле. Что вы хотите делать? Есть та одна-единственная вещь, о которой вы не можете не думать? Для меня это был мой перелет.

Во время всех тех долгих часов, когда я перевозил почту, я не мог заставить себя не думать о нем, ломал голову над этим вопросом, пока не нашел выход. И когда я понял, что надо делать, то сделал это. Итак, что вы хотите делать?

Увидеть пирамиды. Сделать так, чтобы мой брат стал здоровым и счастливым. Выйти замуж за героя – так много мыслей, из которых надо выбирать одну, так много идей, копошащихся в голове… Надо их как-то собрать воедино перед тем, как что-то произнести.

Чарльз Линдберг продолжал терпеливо ждать ответа; я видела это по его поднятому вверх подбородку с ямочкой, по спокойному взгляду. Провести вместе целый день – сначала в небе, а потом и на земле с таким храбрым, замечательным человеком! Впервые ощутить себя женщиной, а не школьницей – я чувствовала, как внутри распускается что-то незнакомое. И я произнесла то, в чем боялась признаться даже себе:

[17] Лорд Эктон (1834–1902) – английский историк и политический деятель.

– Мне бы хотелось написать великую книгу. Только одну. И я была бы удовлетворена. С помощью слов помочь людям увидеть то, что вижу я, вернее, постараться это сделать.

Чарльз молча изучающе смотрел на меня, его лицо было бесстрастно. А потом мужчина, который пересек океан только благодаря силе своей воли и веры, произнес:

– Вы это сделаете.

Неужели все так просто? Я откинулась на сиденье, глядя на дорогу, бегущую впереди; мы приближались к городу, впереди уже сверкали уличные фонари и толпились группы зданий. Неужели все так просто – поставить перед собой цель, а потом добиться ее? Всю жизнь я боролась со страхами и сомнениями; я не была так красива и изящна, как Элизабет, не была мальчиком, как Дуайт, не была такой искрящейся весельем хохотушкой, как Кон. У меня были блестящие энергичные родители. Я всегда чувствовала себя в их тени, и, должна признаться, отчасти меня устраивало это положение, потому что избавляло от необходимости принимать решения и позволяло лишь предаваться раздумьям каждую минуту каждого дня. Теперь мне нужно было просто перестать так много думать и начать строить планы или еще лучше начать действовать. Именно так, как я поступила сегодня после того, как самолет перевернулся.

Просто появился тот, кто не позволил мне бездействовать. С ним я стала другой. Лучше, умнее.

Наконец мы въехали на подъездную дорогу нашего дома. Я почувствовала прилив теплоты и духовной близости – и чуть не заплакала при виде знакомых зеленых ставней, сказочного фасада с украшениями, похожего на пряничный домик, широкой галереи с каменными колоннами, обитой коленкором плетеной мебели, так уютно расставленной. Вскоре мы все покинем этот дом и переедем в новый, который уже почти закончен в другой части Инглвуда. Но здесь, в этом уютном домике, незримо присутствовало мое семейство и ждало меня, хотя разум и твердил мне, что внутри только один Дуайт. Именно эта реакция была такой естественной и сильной для меня – нахлынуло и накрыло с головой внезапное, всепоглощающее чувство дома.

Я повернулась к Чарльзу, желая разделить с ним это счастье, ведь у него было мало родных. Мысль, что он уедет обратно в полном одиночестве, один перед всем миром, пронзила меня.

– Не хотите ли… – начала я, но остановилась.

Он смотрел на меня так пристально, что я невольно вздрогнула. Он изучал меня, изучал, стараясь найти что-то важное. Я могла только отчаянно надеяться, что он найдет то, что искал.

– Есть еще одно обстоятельство, – проговорил он, и голос его не звучал столь же уверенно, как обычно, – довольно неожиданное.

– Да? – Я подумала о своем поведении; неужели я его чем-то смутила?

– Возможно, вам неизвестно – да, конечно, неизвестно. В последнее время я кое-чем занимаюсь. Поставил перед собой задачу – найти ту, с которой смог бы делить свою жизнь. – Он замолчал, как будто ждал, что я что-нибудь скажу.

Но я лишь молча смотрела на него. Он кашлянул и продолжал:

– Одиночество… Мне было очень одиноко последние несколько месяцев. И я подумал, что будет лучше иметь рядом того, кто разделит со мной… все это. С того дня, как мы встретились в Мехико, должен сознаться, я думал о вас. Что касается сегодняшнего дня, то вы все сделали очень хорошо. Как настоящий летчик.

– Спасибо, – ответила я серьезно, понимая, что это, наверное, самая большая похвала из его уст.

– Также есть еще одна вещь, – проговорил он со странной болезненной улыбкой, – я никак не могу выбросить ее из головы. Когда мы сегодня были там, наверху, я впервые

испугался. Не за себя – я никогда не боюсь за себя. Я всегда знал, что со мной все будет в порядке. Странная вещь, но я испугался за вас. Испугался, что вы получите какую-нибудь травму. Должен вам сказать, что я никогда раньше не испытывал такого чувства. Честно говоря, сначала я даже не понял, нравится ли мне оно, – он засмеялся, – но теперь знаю, что нравится – не то, что вы находитесь в опасности, а то, что у меня появилось сильное желание вас защищать. И это кое-что значит.

– Что именно?

– Это означает, что я должен спросить, не согласитесь ли вы выйти за меня замуж, – тихо ответил он.

– Вы шутите! – вырвалось у меня, я рассмеялась и тут же испугалась, увидев, как дрогнули его ресницы, и поняв, что для него это серьезно.

Я взглянула на свой дом, дом моего детства. Дом, который всегда давал мне приют. Я не знала никакого другого мира, кроме того, который предлагали мне мои родители. Я не знала всего даже про собственную семью. Твердо я знала только одно: мне следует много работать и учиться, готовя себя – к чему? А вот это никто не удосужился мне объяснить.

Да, никто не подготовил меня к этому моменту. Мне и в голову не могло прийти подобное – брак с таким человеком, как Чарльз Линдберг, который совершенно не похож на тех, с кем я была знакома: всех этих банкиров, адвокатов, преподавателей. Умный, смелый, энергичный – эти качества я в нем знала. Но было еще много качеств, о которых я и не подозревала. Впрочем, они наверняка не такие важные.

Это был спокойный, дисциплинированный человек. Очень ответственный. Человек, который нуждался в партнере, чтобы больше никогда в одиночку не летать через океан.

Самый знаменитый мужчина в мире, который увидел меня, стоящую в тени, и каким-то образом понял, что я смелее, чем кажусь с первого взгляда. И я совершила полет на аэроплане, потому что он поверил в меня. Чего же еще мне ждать?

– Мне хотелось бы подумать, – сказала я серьезно, понимая, что он не одобрит, если мой ответ будет слишком скорым. Внезапно все наши месяцы врозь наполнились смыслом. Он строил планы, готовился к этой встрече так же тщательно, как к своему перелету через Атлантику. Я никогда не пойду на неоправданный риск, сказал он мне. Я не сомневалась, что в отношении своих сердечных симпатий он поступал точно так же.

Чарльз кивнул, его лицо было непроницаемо. Затем он вышел из машины, обошел ее вокруг, открыл мою дверь, подал руку и проводил меня до крыльца. И именно этот жест – трогательный галантный жест, этот знак ухаживания – обеспечил успешный результат его предложения, хотя в тот момент я ничего ему не сказала.

Он поцеловал меня на прощание, абсолютно целомудренно; его губы скользнули по моим, но не задержались, хотя я почувствовала, когда его худое тело оказалось близко от моего, что он хотел этого поцелуя. И я почувствовала, что это начало всего. Всего, что я ждала всю мою жизнь.

Чарльз отказался от моего приглашения войти внутрь, ссылаясь на свою травму. Я сказала ему нежно-ворчливым тоном женщины, которая имеет на это право, что ему надо пойти к доктору. Он усмехнулся моему тону и обещал сходить.

Я смотрела, как он спускается по ступенькам и идет к своей машине. И только после того как он уехал, я повернулась и вошла в дом моего детства с таким чувством, как будто захожу сюда впервые. Отчасти так оно и было, потому что впервые я переступила этот порог, став взрослой.

Остальное случилось позже, гораздо позже, после писем и телеграмм и поспешной поездки к моим родителям, тщательно составленного пресс-релиза и последовавшего за ним взрыва удивления и восторга всех газет в стране. После того как я научилась скрываться от

прессы, покидая свой дом, научилась засыпать ночью под ослепляющие вспышки фотокамер, проникавшие даже сквозь плотно сомкнутые веки…

После того как мне пришлось уволить слугу, который продал репортерам несколько моих писем, и я поняла, что больше никогда не смогу сказать ни слова и написать ни строчки втайне от всего мира и что мне придется пробираться в город поздно ночью, чтобы примерить свое свадебное платье. И, несмотря на все предосторожности, увидеть свое приданое, включая подвязки и пеньюары, со всеми подробностями воспроизведенное на первых страницах «Нью-Йорк таймс» вместе с информационным бюллетенем выпускников Смита. И наконец, этот волнующий день в гостиной нового дома моих родителей, названного Некст Дей Хилл! Священник объявляет нас мужем и женой, и я чувствую, что сердце готово выскочить из груди, несмотря на плотный шелковый корсаж. Муж целомудренно целует меня в щеку, и все наши друзья и родные хлопают…

Я вижу себя на пороге, глядящую на удаляющегося от меня Счастливчика Линди, Одинокого Орла – нет, нет, моего жениха, – и не могу поверить, что из всех женщин на земле он выбрал меня…

Это было тогда. И только после того как моя прежняя жизнь изменилась так бесповоротно, что я никогда бы не поверила в нее, не будь реальных вещественных доказательств – фотографий, карт, паспортов и вырезок из желтых газет, – только тогда я поняла, что ни разу в тот вечер ни один из нас не произнес слово «люблю».

Но нам это было не нужно, уверяла я себя. Когда два сердца испытывают друг к другу такие сильные чувства, нет смысла говорить об этом вслух. Все слова слишком сентиментальны и глупы, Чарльз для них слишком необыкновенен. А теперь и я стала такой же.

Мы оба были слишком необыкновенными. Для обычных слов, произносимых обычными супружескими парами.

* * *

1974

Когда через сорок семь лет мы пересекаем страну, летя первым классом, я не могу не думать о том, что он это ненавидит.

Чарльз всегда считал, что первый класс – это самое плохое, что случилось с авиацией, хуже всего, что сделали коммерческие авиалинии, хуже, чем энергичные стюардессы в своих слишком смелых юбках, хуже, чем пилоты, спрятанные за шторой или дверью; хуже, чем упорные усилия заставить пассажиров вообще забыть, что они летят высоко над землей. Как будто бы тебя закрыли в консервной банке, любил говорить он. Перекрыли все входы. Снабдили питьем. Велели расслабиться. Люди могут опустить жалюзи на окнах и вообще забыть, что находятся на высоте тридцати тысяч футов[18]над землей.

Я бросаю взгляд на его лицо. Оно совсем прозрачно, лишено красок. Его глаза закрыты. Он настоял на том, чтобы мы сидели открыто, пока входят другие пассажиры, хотя имелась штора, предусмотрительно предоставленная авиалинией, скрывающая нас всех – доктора, няню, детей, меня. Он лежит на носилках, установленных на нескольких сиденьях первого класса. К его руке – очень тонкой, похожей на ветку молодого деревца, – прикреплена бирка. На нем брюки цвета хаки и спортивная рубашка с короткими рукавами.

Несмотря на свою слабость – когда его вносили на борт, мы все окружили его, как будто заслоняя от здоровых, – он сидел, выпрямившись, и жестом ответил на приветствие первого и второго пилотов, которые стояли на верху трапа и смотрели на него со слезами на глазах.

[18] 9,14400 км.

Даже этот легкий жест обессилил его. А теперь он спит.

Я открыла свою сумочку и смотрю на письма. Мне хочется безжалостно бросить их ему в лицо, хочется потребовать, чтобы он прочел их вслух, чтобы наконец услышать от него хоть что-то честное и правдивое, идущее от сердца. Даже если эти письма написаны не мне – и почему они написаны не мне? Или достаточно того – как всегда было достаточно, – что он поставил меня на первое место; выбрал меня теперь, чтобы быть рядом с ним?

Я с треском захлопываю сумочку; конечно, я не могу этого сделать; не могу заставить его читать эти письма вслух в присутствии моих детей.

Поэтому я молча сижу рядом с ним – преданная жена, как скажет каждый, преданная помощница в этом его последнем перелете. Мы достигли требуемой высоты, и бодрое «дин-дон» прозвучало, разрешая нам вставать и ходить, если мы этого захотим. Скотт несет вахту; он сидит через проход от своего отца, вглядываясь в его лицо. Я не знаю, о чем он думает, что вспоминает. Я только знаю, что у него из всех моих детей был самый тяжелый путь к всепрощению.

Джон молча смотрит в окно. Он вырос молчаливым, еще более молчаливым, чем его отец. Но в отличие от него Джон не чувствует себя непринужденно в воздухе. Его дом – море, его страсть – населяющие море существа.

Лэнд вылетел накануне и встретит нас в Гонолулу; его задача организовать транспортировку в отдаленный конец острова Мауи, чтобы Чарльз был ближе к дому, который построил для нас. Хороший, послушный Лэнд; если страсть его отца – небо, брата – вода, то его страсть такая же, как его имя – земля. Почва. Крепкий уроженец запада, фермер.

Девочки сейчас со своими семьями – Рив в Вермонте, Энси во Франции. У обеих маленькие дети, и они не могут сопровождать нас в этом последнем путешествии, поэтому попрощались раньше.

Как я люблю своих детей! Как я благодарна им за все, что они мне дали: радость, разочарования, надежды; повод, чтобы жить дальше, когда я думала, что не имею такового. А теперь и внуков. Но достаточно ли этого? Достаточно, чтобы спасти эту семью, когда – если – я обнародую то, что знаю?

Я дотрагиваюсь до мужа, еле-еле, как в самом начале, когда не могла даже поверить, что имею на это право. Только теперь вместо молодого бога – старик, находящийся на краю смерти. Он вскоре должен уйти, но память о нем останется. Я хотела в эти последние дни вспомнить все самые лучшие мгновения нашей жизни вместе, которые были невероятно прекрасны.

Разве не это должна вспоминать жена, когда муж лежит на смертном одре? Разве она не должна забыть все плохое и, главное, простить?

Но он еще раз отнял у меня права жены. Из-за писем в моей сумочке я никогда не смогу забыть годы, когда я скучала по нему, хотела его, недоумевала, почему он может находиться со мной только несколько дней, а потом начинает мерить комнаты большими шагами, подолгу смотреть в окна и снова строить планы надолго улететь от меня. Мой собственный секрет не кажется мне теперь таким важным, ведь его нельзя даже сравнить с тем, что он скрывал от меня.

Я смотрю, как он лежит – странно спокойный, до неузнаваемости худой – рот приоткрыт, челюсть отвисла. Впервые он не приказывает никому из нас, что надо делать, думать или чувствовать.

И я понимаю, что предательство сильнее прощения. Еще одна вещь, которой Чарльз научил меня за целую жизнь уроков, лекций и наставлений.

Глава четвертая

Май 1929-го

Предельный уровень. Газоизмещение. Размах крыльев. Дроссельный клапан. Подъемная сила. Технические термины, которые мне нужно понять и запомнить, определения, которые я должна заучить наизусть, как часть моей новой роли.

Хорошо прожаренный ростбиф. Никаких соусов. Овощи, доведенные до точки безнадежности. Куски белого хлеба в добавление к каждому блюду. Еще один не менее важный список, жизненно необходимый для моей новой роли в новой жизни.

Посещала ли я когда-нибудь университет? Имеется ли у меня вообще образование? В первые недели брака с самым знаменитым человеком в мире (таким знаменитым, что я сотнями получала письма со следами слез от молодых девушек, обвинявших меня в том, что я украла у них будущего мужа; таким знаменитым, что вместо того, чтобы как невеста принимать традиционные поздравления, я слышала за спиной завистливый шепот; таким знаменитым, что кинозвезды приглашали нас на медовый месяц в свои поместья и режиссеры хотели снять фильмы о нашем бракосочетании), я не могла в это поверить. Ведь мне еще так многому предстояло научиться.

Хотя я по-прежнему очень мало знала о моем муже, от меня теперь ожидали, что я знаю о нем все. Его вкусовые пристрастия и антипатии, его требования к гардеробу – просто сшитые костюмы из коричневого твида, накрахмаленные белые рубашки, однотонные галстуки и всегда одни и те же потрепанные коричневые ботинки, которые он носил еще с тех пор, как перевозил почту. Также от меня требовалось знать его планы на каждый день – таинственным образом, интуитивно, начиная с самого первого мгновения нашей совместной жизни.

В то первое утро я проспала. Уставшая от всех приготовлений, постоянного напряжения от необходимости уклоняться от встречи с прессой – мы провели неделю перед свадьбой, уехав открыто, а потом петляли по окрестностям, чтобы сбить их со следа, – я проспала.

К тому же я была вымотана своей первой брачной ночью. Не проявляя желания целовать меня публично, за закрытыми дверями мой муж оказался очень пылким любовником. Его руки – сильные изящные руки, которые так восхитили меня в Мехико, – оказались ненасытными и любопытными: сначала они исследовали, а потом предъявили права на каждую часть моего тела, вызывая во мне одновременно удовольствие и боль. Но больше удовольствие.

Это удовольствие повторилось несколько раз за ночь, и поэтому в то первое утро я проспала. Мы решили провести наш медовый месяц, катаясь на пароходе, когда весь мир будет пялиться в небо в поисках «счастливых и отважных небесных новобрачных». Пароход тихо покачивался, побуждая меня проснуться. Я сопротивлялась, цепляясь за сон. Мне снилась моя сестра Элизабет. Ей двенадцать, а мне десять лет, и она спрятала мою любимую куклу и не говорит мне, где она, смеясь над моими слезами.

Прежде чем я совсем проснулась, я разозлилась на нее, угрожая рассказать все маме; когда же снова погрузилась в дремоту под лучами солнца, проникавшего в нашу каюту, я вспомнила. Мне было не десять лет, и я не злилась на мою сестру, но она не выходила из моей головы все эти последние несколько недель.

Сначала эта путаница на следующий день после нашего неудачного приземления, когда газеты сообщили, что полковник Линдберг и мисс Элизабет Морроу чудом избежали гибели, когда их самолет при взлете потерял колесо.

– Не могу понять, – твердила Элизабет, позвонив мне домой на следующее утро; я слышала шелест газетных страниц у нее в руке, – с чего они взяли, меня ведь даже не было в Нью-Джерси?

– Там была я, – сказала я и объяснила, что произошло, – просто я твердила, что я мисс Морроу. Я не сказала им, как меня зовут.

– Ты? – повторяла она снова и снова, вызывая мой гнев и раздражение. – Ты? Полковник Линдберг пригласил тебя? Он полетел с тобой?

– Да, – повторяла я, испытывая непреодолимое желание сказать ей и все остальное, но понимая, что не должна это делать, пока Чарльз не поговорит с мамой и отцом.

А потом, когда я получила возможность сказать ей все до того, как папино министерство напечатало краткое сообщение, что полковник Линдберг женится на мисс Энн Морроу, дочери посла, газеты снова все переврали. Они продолжали сообщать, что невеста – Элизабет (а не я), которая «на сегодняшний день является самой прелестной девушкой в мире и которую галантный Линди решил сделать своим вторым пилотом в жизни».

Папино министерство напечатало еще более краткое заявление, опровергающее газетное вранье. И тогда наконец газеты удосужились вспомнить, что у посла Морроу имеется еще одна дочь.

Когда мы с Элизабет наконец встретились вскоре после объявления о моей помолвке с полковником, я бросилась к ней с извинениями.

– О, Элизабет, какая ужасная путаница в этих газетах! Мне очень жаль, что они сделали такую ошибку. Они заставили тебя выглядеть, как…

– Брошенная невеста? – Она легко рассмеялась, покачав головой, но я успела увидеть боль в ее голубых глазах.

– Нет, нет, конечно, нет, это просто…

– О, Энн, я не обращаю внимания на прессу! Честно, ни капельки! Просто… просто…

– Что, что?

Элизабет схватила меня за плечи, глядя мне в лицо полными слез глазами, и прошептала:

– Я так хочу, чтобы ты была счастлива! Ты должна мне верить!

Она бросилась в свою комнату и заперла дверь. С того самого мгновения между нами возникла какая-то неловкость; наши роли поменялись так внезапно, что ни одна из нас не знала, как себя вести. Элизабет всегда была единственной золотой девочкой. Я же довольствовалась тем, что находилась рядом.

За одну ночь я превратила Элизабет, красавицу, предмет всеобщих желаний, в старую деву. Брошенную старую деву к тому же. Хотя она никогда не обвиняла меня, я это чувствовала. У нее в голове имелись мысли, которые она хотела мне высказать, но не могла; это становилось очевидным каждый раз, когда она резко меняла предмет разговора или отводила глаза, если Чарльз находился в комнате.

Но все же она пришла на мою свадьбу, даже проверила, на месте ли бутоньерка у Чарльза, и ослепительно улыбалась в течение всей церемонии.

Так что не муж, а сестра занимала мои мысли, когда я окончательно проснулась в то первое утро своей замужней жизни. Чувствуя незащищенность, ранимость, я внезапно вспомнила, что под моим пахнущим плесенью, царапающимся шерстяным одеялом я совсем голая. Вспомнив, почему на мне ничего нет, я улыбнулась и потянулась к мужу, но обнаружила, что рядом со мной пусто.

– Чарльз! – Я осмотрела крошечную сырую каюту, примыкавшую к такой же крошечной сырой кухне в поисках какой-нибудь одежды; заметив незнакомый фланелевый халат, не думая, кому он принадлежит, я закуталась в него, надела теннисные туфли и по узкой лесенке поднялась на палубу.

Мой муж стоял, наклонившись над столом, дочерна загорелый и необыкновенно красивый в толстом белом рыбацком свитере и голубой морской фуражке, чувствуя себя в море так же непринужденно, как и в воздухе. Взглянув с восхищением на его руки, завязывающие узлы на толстом белом канате с уверенностью бывалого моряка, я покраснела; мое тело все еще хранило память об этих руках, ласкавших меня.

– Поздно встаешь, – сказал он, и его пронзительные голубые глаза скользнули по мне, вобрав всю меня; халат неплотно прилегал к телу, и я плотнее запахнула поношенную материю, но Чарльз все равно покраснел. Потом улыбнулся.

– Извини.

Я подошла к нему и на какое-то мгновение растерялась, не зная, что делать. Надо его поцеловать? Обнять? Сумеречная близость прошлой ночи, казалось, испарилась при свете дня, и он больше не был моим мужем, моим любовником, который вскрикивал в темноте, снова и снова; это опять был Чарльз Линдберг, Одинокий Орел.

Я все еще не привыкла к тому, что имею право находиться рядом с ним.

Но все же решилась нежно погладить его по руке, в ответ он так же нежно погладил меня по плечу, и мы оба облегченно вздохнули. Я подумала, что мы не всегда будем так неуверенны друг с другом, и захотела сказать ему об этом, но не могла найти нужных слов. Молчание, начинала понимать я, постепенно постигая негласный курс обучения, являлось ответом, наиболее удобным для моего мужа.

Мы оба повернулись, чтобы обозреть отрывавшийся вид. Мы находились примерно в четверти мили от берега. Шлюпка, в которой мы подъехали к прогулочному судну, была закреплена на корме. Небо сплошь затянули облака. Стоял конец мая, и воздух еще не был наполнен влажностью летних штормов. Ни одного дуновения ветерка.

– Что у тебя по расписанию? – Я повернулась к мужу с озорной улыбкой – ведь это был медовый месяц. Не могло быть никакого расписания, только поздние завтраки (для лежебок), ужины при свечах – и много ночей, похожих на вчерашнюю. Я даже захватила несколько своих стихотворений, которые хотела ему показать; я представляла, как он читает их вслух в сумерках при свете свечей.

– Я собирался выйти в море в восемь тридцать. Но ты спала, так что мы вылетели из графика. На камбузе есть консервы, можешь приготовить завтрак. После того как приберешься – тебе придется драить палубу каждый день, – мы сможем поднять якорь. Я планирую добраться до Блок-Айленда к половине первого. Самолет уже ждет нас, так что нельзя задерживаться слишком долго.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.